

«МОЯ КНИГА»

- Книги для детей и взрослых
- Канцелярия в ассортименте,
- Подарочные издания, сувениры
- Краеведение, ретрооткрытки
- Наборы для детского творчества
- Развивающие игры.

Мы ждём Вас по адресу:

ул. Советская, д. 11,
тел. 8-900-495-79-35

Друзья!

Торговое предприятие «Моя книга» — сегодня единственное в нашем регионе, которое реализует не только книги местных авторов, но и живописные работы — как начинающих, так и маститых художников. Кроме того, книжный магазин поддерживает по-своему уникальное издание «Рассказ—газету», которую можно приобрести только здесь, причем, совершенно бесплатно. Газета рассчитана на широкий круг читателей, но при этом она развивает художественный вкус, знакомит с новыми произведениями писателей, краеведов, культурологов, чьё творчество так или иначе связано с Тамбовщиной.

www.m-kniga68.ru

№ 16 2020 г.

Издаётся с 1991 года

РАССКАЗ- газета

220 лет поэту Евгению Боратынскому

Возвращение забытого имени

Редакция «Рассказ-газеты» поздравляет тамбовчан с важным культурным событием — выходом альбома в издательстве «Хранители времени», посвящённого творчеству самобытного тамбовского художника Николая Михайловича Шевченко (1857—1933). В него вошли живописные и графические произведения автора разных периодов творчества из фондов Тамбовской областной картинной галереи, Тамбовского областного краеведческого музея, а также из частных собраний Дмитрия Гнатюка, Сергея Денисова и супругов Носковых.

Сегодня мы предлагаем нашим читателям беседу с автором книги Татьяной Суторминой.

11 ►

Литературная премия «Мудрый филин»

Книжный магазин на Советской, 11 областного центра несколько лет назад учредил литературную премию «Мудрый филин». Эта награда ежегодно вручается литераторам и краеведам за сотрудничество с торговым предприятием и популяризацию художественной литературы и истории родного края.

За 2019 год премия присуждена литературному сообществу «Арион», организованному адвокатским бюро «Селиверстов и партнёры». Кстати, творчество адвокатов-литераторов представлено в этом номере в специальном приложении «АБ».

Премия присуждена и Людии Андреевне Хромовой — страстному любителю художественного слова. Она родилась в Москве на Ленинских горах, окончила Тамбовский педагогический институт, факультет русского языка и литературы. Трудилась в Балыклейской восьмилетней школе Инжавинского района, а также в Бокинской средней школе, но уже в качестве завуча. За хорошую работу была переведена в облоно на должность инспектора... Людия Андреевна — отличник народного образования РСФСР. Это лишь небольшая часть её трудовой и творческой биографии. И сегодня Людия Андреевна активно популяризирует художественное слово.

Награждение победителей состоится на презентации свежего номера «Рассказ-газеты» 14 марта 2020 года.

Оргкомитет «Мудрого филина».

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Главный эксперт — время

К счастью, мы живём уже в то время, когда не нужно доказывать, что Евгений Боратынский — поэт первого ряда. Современники по разным причинам не смогли по достоинству оценить его значение в русской литературе. Да и советские литературоведы полагали, что Евгений Боратынский — поэт так называемого «пушкинского круга». Таким образом, его имя невольно принижалось. Но время, как говорится, расставляет всё по своим местам.

На мой взгляд, в русской литературе было три волны «реабилитации» Евгения Боратынского. Первыми серьёзно увлеклись творчеством «сумрачного поэта» символисты и акмеисты. Валерий Брюсов, Александр Блок и другие считали Евгения Боратынского своим духовным предтечей.

Приятно осознавать, что выдающийся поэт Серебряного века граф Василий Комаровский продолжает поэтическую традицию Евгения Боратынского. Достаточно прочитать «Дядьке-итальянцу» и сравнить это стихотворение с произведениями Василия Комаровского «В Царском Селе», «Ракша», чтобы убедиться в общности поэтических взглядов. Кроме того, творчество этих поэтов тесно связано с тамбовским краем.

Так называемая вторая волна приходится на 60—70-е годы прошлого столетия. Помните замечательный фильм «Доживём до понедельника», где одна из героинь заявляет, что не обязана знать второстепенных поэтов. Но историк Илья Семёнович Мельников ей отвечает, что Боратынский давно уже первостепенный поэт.

По мнению боратыноведа Гейра Хетсо, который составил библиографию поэта на основе архива мурановского музея, из 400 работ о жизни и творчестве Евгения Боратынского свыше четверти относится именно к 1960—1972 годам. И если литература о Боратынском до этого времени ограничивалась главным образом статьями и заметками, то в эти и последующие годы возникают кандидатские и докторские диссертации не только отечественных исследователей, но и специалистов из США, Англии, Новой Зеландии и Норвегии...

Своеобразную точку в затянувшемся споре о значении Евгения Боратынского поставил Иосиф Бродский, который сказал, что лучшее стихотворение русской поэзии — это «Запустение». Цитата. «В «Запустении» все гениально: поэтика, синтаксис, восприятие мира. Дикция совершенно невероятная...»

Сегодняшний номер «Рассказ-газеты» мы посвящаем 220-летию поэта Евгения Боратынского. Надеемся, что наши публикации вернут интерес к родине поэта — Маре. И если при жизни поэта это место на земле было в «Запустении», то сегодня, увы, в забвении.

Олег Алёшин.

Семейный портрет Энгельгардов.

С Казанью Евгения Боратынского связал 1826 год, когда он женился на Анастасии Львовне Энгельгардт, в приданое за которой получил богатейшее поместье Каймары в двадцати верстах от Казани.

Женитьба Боратынского вызвала оживлённые отклики его друзей. Кто-то не одобрял выбор невесты, кого-то поражало само решение Боратынского жениться. Лев Пушкин категорично заявил: «Для поэзии он умер...» Пессимистические прогнозы друзей не оправдались, но о некотором противостоянии музы и супруги находим строки в одном из «казанских» стихотворений поэта 1832 года:

О, верь: ты, нежная,
дороже славы мне.
Скажу ль? мне иногда
докучно вдохновенье:
Мешает мне его волненье
Дышать любовью в тишине!
Я сердце предаю
сердечному союзу:
Приди, мечты мои рассей,
Ласкай, ласкай меня,
о друг души моей!
И покори себе
бунтующую музу.

По делам Каймар, начиная с 1827 года, Евгений Абрамович один или в сопровождении семейства начинает приезжать в Казань и Казанскую губернию. Однажды Боратынским пришлось за-

держаться в Казани на целый год — с июня 1831 года по июнь 1832 года: в Российской империи бушевала эпидемия холеры.

Сам Боратынский назовёт этот период своей жизни «казанским изгнанием». Так ли это было? Узнать можно из первых рук. Сохранилось более сорока писем поэта этого периода, большая часть которых адресована душевному другу — Ивану Васильевичу Киреевскому, и поэтому предполагающих высокую степень откровенности. На первом плане переписки — обмен мнениями о литературных новинках и творческие замыслы: написание биографии Антона Дельвига, план небольшой драмы («первый мой опыт в этом роде»),

Боратынский и его «казань»

завершение первого прозаического произведения — повести «Перстень», сотрудничество в журнале Киреевского «Европеец» — «Я — неперенный и усердный твой сотрудник».

Первые месяцы по прибытии в Казанскую губернию Боратынские провели в Каймарах, где в октябре появилась на свет дочь Мария, на зиму они перебираются в Казань. Первые дни казанской жизни не принесли удовлетворения: «Мы переехали из деревни в город: я замучен скучными визитами. Знакомлюсь со здешним обществом, не надеясь найти в этом никакого удовольствия». Но люди, с которыми поэт знакомится в Казани, постепенно становятся ему близки. Его занимают их интересы, их рассуждения о литературе, их открытость, и постепенно меняется интонация писем: «...по-моему, провинциальный город оживлённее столицы. Говоря — оживлённее, я не говорю — приятнее; но здесь есть то, чего нет в Москве — действие. Разговоры некоторых из наших гостей были для меня очень занимательны. Всякий говорит о своих делах или о делах губернии, бранит или хвалит. Вся-

кий, сколько можно заметить, действительно стремится к положительной цели и оттого имеет физиономию. Не могу тебе развить всей моей мысли, скажу только, что в губерниях нет этого равнодушия ко всему, которое составляет характер большей части наших московских знакомцев. В губерниях больше гражданственности, больше увлечения, больше элементов политических и поэтических».

Среди новых знакомых Боратынского — историк Н. С. Арцыбашев, «человек очень учёный и в разговоре более приличный, нежели в печати»; один из первооткрывателей Антарктиды астроном И. М. Симонов, великий математик Н. И. Лобачевский, литератор Э. П. Перцов, «известный своими стихотворными шалостями, которого нам хвалил Пушкин». Неоднократно Боратынский посещает литературный салон казанской поэтессы Александры Фукс, которой посвятит возвышенный мадригал «Вы ль, дочь Евы, как другая...» Казанские литераторы и учёные были рады знакомству с известным поэтом, стихи которого знали и любили. «Многие имеют здесь мои труды и Пушкина, но переписанные, а не печатные. Надо продавать книги наши подешевле», — пишет Боратынский.

Казанские встречи, разговоры, впечатления не прошли бесследно: «Я уже довольно видел, чтобы местом действия русского романа всегда предпочтень губернский город столичному». Но романов Боратынский не писал.

Романы будет писать уже в XX веке его правнучка Ольга Ильина-Боратынская (1894—1991), создавшая панорамную дилогию — «Канун Восьмого дня» и «Белый путь. Русская Одиссея 1919—1923» — о трагедии гражданской войны на востоке России и предшествовавших ей событиях. Героиню романа Ниту писательница поселит в любимом казанском доме, где она родилась и выросла, где потомки Евгения Абрамовича хранили его архив и где ныне располагается Музей Е. А. Боратынского.

Судьба музея столь же прихотлива, что и посмертная слава его героя. От маленького школьного музея — до одного из лучших музеев Казани; от скромной экспозиции в школе-новостройке — до прекрасной атмосферной экспози-

Белый зал.

кий ское и знание»

Главный дом усадьбы Боратынских.

ции в историческом доме, принадлежавшем некогда трём поколениям поэта, памятнике истории и архитектуры федерального значения.

Время создания музея — начало 1970-х годов — пришлось на период активизации в стране историко-краеведческого движения и возникновения большого количества музеев на общественных началах, среди которых крупной и активной группой были музеи школьные. Создательница музея Вера Георгиевна Загвозкина (1924 — 1994) — личность неординарная и яркая, участница Великой Отечественной войны, выпускница Черновицкого государственного университета и ГИТИСа, преподаватель русского языка и литературы, исследователь, автор книг «Е.А. Боратынский и Казань» (Казань, 1985)

и «Литературные тропы: поиски, встречи, находки» (Казань, 1991).

В 1973 году Вера Георгиевна вместе со своими учениками начала поисковую работу, изучая связи Боратынского с Казанью и жизнь казанской ветви его потомков. В результате было собрано более двух тысяч единиц подлинных материалов. Основу музейной коллекции составила часть «Казанского архива Боратынских». Это понятие было введено в научный оборот литературоведом М. Л. Гофманом, который в предисловии к полному собранию сочинений Е.А. Боратынского (1914–1915 гг.) писал: «По значительности и по количеству автографов Боратынского занимает первое место Казанский архив Боратынских».

После событий 1918 года судьба архива была печальна. Многие ре-

ликвии, библиотека оказались утрачены. Лишь часть удалось спасти. Правнуками Е. А. Боратынского О. А. Храпцовой, И. А. Алексеевым, М. А. Алексеевым, Н. К. Толстой были переданы Вере Загвозкиной хранившиеся у них разрозненные фамильные реликвии. Эти поступления составили основу первой музейной экспозиции.

21 марта 1977 года состоялось торжественное открытие школьного музея Е. А. Боратынского в школе-новостройке № 34 г. Казани. Качественные характеристики музейной коллекции, высокий уровень экспозиции, культурно-образовательный потенциал музея оказались столь значительными, что в 1981 году ему был присвоен статус государственного, и ныне музей — филиал Национального музея Республики Татарстан.

В 1991 году случилось долгожданное, счастливое событие — музей «переехал» в западный флигель усадьбы Боратынских. Совмещение исторической усадьбы и мемориальных коллекций определило место музея в социокультурном пространстве города как единственного в Республике Татарстан музея дворянской культуры и единственного в России музея Евгения Боратынского.

В этот период складывается собственный стиль работы с посетителями, формируется «своя» аудитория. Скромные размеры музея задали камерный, «семейный» характер не только экспозиции и интерьерам, но и алгоритму взаимоотношений с посетителями и партнёрами.

Спустя почти двадцать лет, в мае 2012 года началась реставрация, а

затем и музеефикация главного дома усадьбы Боратынских, завершившаяся в сентябре 2015 года. Пережив разные периоды своей биографии, усадьба вновь «вернулась» к Боратынским, к их семейной истории, литературным традициям, системе ценностей, духовным поискам, нравственному опыту.

Место «казанского изгнания» Боратынского стало местом силы для его потомков, гостеприимным и вдохновляющим пространством, которое позволяет пережить достойный опыт соприкосновения с отечественной литературой, культурой и историей.

Елена Скворцова.

Ст. научный сотрудник музея Е. А. Боратынского (филиал Национального музея Республики Татарстан).

Голубой зал. Разделы «Детство» и «Петербург».

Ещё один портрет Боратынского

Один из известных портретов Боратынского — литография 1828 г., выполненная Александром Францевичем Тернбергом в литографии Г. Н. Бартольда. Сведений о данном портрете сравнительно много.

Известно прошение в Московский цензурный Комитет от содержателя литографии, писанное 27 апреля 1828 г.: «На основании § 50 Высочайше утверждённого в 10-й день Июня 1826 года Устава о Цензуре имею честь представить ... на рассмотрение портрет Боратынского для литографирования с представлением позволения г. Боратынского, который предполагаю издать в свет в числе 250 печатных экземпляров. При сем согласно с § 52 Устава о цензуре долгом поставляю приложить письменное удостоверение в том, что право собственности на издание означенного портрета приобретено мною законным образом».

К прошению приложена писарская копия письма Боратынского к художнику А. Ф. Тернбергу, сделавшему рисунок на камне: «Милостивый государь Александр Францевич! Желание Ваше напечатать мой портрет мне слишком лестно, чтобы я думал и вздумал ему противиться. Охотно даю согласие, требуемое цензурою и, почитая себя много обязанным вашим дружеским вниманием, честь имею быть и проч. — Евгений Боратынский. — 1828 года Апреля 13 дня».

Немного позже появляется новое прошение в Московский цензурный Комитет от поручика Александра Тернберга, «жительство имеющего в Головинском дворце»: «На основании параграфов §§ 71-го и 75-го Высочайше утверждённого в 10-й день Июня 1826 года Устава о Цензуре честь имею представить ... по семи экземпляров отлитографированного портрета Боратынского в моей литографии, вместе с рассмотренным цензурою подлинником... Покорнейше прошу ... по сличении отлитографированного экземпляра с подлинником выдать мне письменное позволение на выпуск в свет упомянутого портрета».

Итак, было отпечатано 250 листов, и, вероятно, именно они предназначались для альманаха «Северные цветы». Из письма Дельвига Боратынскому от 18 марта 1828 года: «Пишешь ты ко мне редко и ничего не говоришь о портрете твоём: готов ли он? Если готов, то держи его до моего приезда». А в декабре 1828 года Боратынский пишет Дельвигу: «Приложишь ли мой портрет, как имел намерение? Признаюсь, это было бы приятно моему самолюбию».

По неизвестным причинам портрет так и не появился в альманахе Дельвига. Листы разошлись и сейчас представляют большую редкость.

Известно, что один лист этого портрета принадлежал Пушкину и висел в его

Евгений Боратынский. 1828 г.

кабинете в квартире на Мойке наряду с портретами Дельвига и Жуковского. После смерти Пушкина он достаётся сестре поэта О. С. Павлищевой, позже она дарит лист С. Д. Комовскому — лицейскому другу Пушкина. В 1917 г. зять Комовского А. А. Журавлёв передаёт его в Пушкинский Дом. В настоящее время лист находится во Всероссийском Государственном музее А. С. Пушкина в Санкт-Петербурге.

В Мурановском музее имеется два листа этого портрета, но они появились в результате собирательской работы Н. И. Тютчева и К. В. Пигарева в музейное время — владельцы усадьбы не имели данного изображения. На выставке, посвящённой 125-летию со дня рождения поэта, в Муранове литография А. Ф. Тернберга была взята из гравюрного кабинета Музея изящных искусств.

Итак, относительно рассматриваемого портрета мы имеем почти все необходимые сведения, кроме одного, — кто был автором подлинника, который был представлен вместе с семью первыми оттисками для сличения в цензурный Комитет. Попытаемся определить имя автора оригинала.

Май того же 1828 г., Москва. Письмо Настасьи Львовны Вареньке Боратынской в Мару:

«Евгения должны награвировать в «Северных цветах», и для этого с него недавно

написали портрет, на который нужно долго смотреть — с первого взгляда не находишь ни малейшего сходства. Этот портрет исполнен каким-то глухонемым, и представьте себе наше удивление, когда Натали заговорила с ним на его языке, т. е. с помощью жестов».

Автор оригинала — глухонемой художник. Эта яркая запоминающаяся деталь позволит начать поиски. Известны место, время и запоминающийся физический дефект художника.

Глухонемой художник в конце 20-х годов — явление достаточно редкое, но не уникальное, т. к. в Санкт-Петербурге уже существовало училище для глухонемых, в котором были художественные классы. В Москве в интересующее нас время работал один глухонемой художник — Карл Карлович Гампельн, довольно известный своими портретами, выполненными в различной технике: акварель, пастель, итальянский карандаш и пр. Известны его пейзажные работы и литографии, выполненные по его оригиналам. Его творческое наследие настолько велико, что на известной Таврической выставке 1905 г. было представлено семь его работ.

Родился К. К. Гампельн в 1794 г. в Москве, в семье обрусевших немцев. Мальчиком отправлен в училище глухонемых в Вену, где он овладел тайнами профессии

художника. Когда ему исполнилось 17 лет, его работами заинтересовалась императрица Елизавета Алексеевна, посетившая Вену и видевшая его работы. Вскоре он приехал в Петербург, очень много и плодотворно работал, писал портреты, пейзажи в различной технике, в т. ч. гравированные и литографии. Преподавал в училище глухонемых и был под особым покровительством президента Академии художеств А. А. Оленина, даже жил в его доме почти 10 лет. За свою 10-метровую акватинту «Гуляние в Екатерингофе», акварельный оригинал этой работы сейчас хранится в ГМП, Гампельн получил драгоценный перстень от императрицы.

В 1826 г. Гампельн переезжает в Москву. Здесь на рубеже 1820—1830 гг. приходится пик его популярности. Он пишет портреты Жихарева, П. Л. Шиллинга, П. А. Нащёкина, композитора Верстовского, Д. В. Давыдова, С. С. Бибиковой, Е. А. Щербатовой и других. То есть в момент написания портрета Боратынского Гампельн был самым модным Московским глухонемым портретистом. Затем его слава сходит на нет, и умирает он после 1880 г. в безвестности и нищете.

Н. Н. Врангель уже в XX в. писал: «Только такие художники, как Гампельн, дают драгоценный и если не эстетический, то фактический материал. По ним можно писать всю историю костюма, рассказать день за днём жизнь русского дворянина при Николае Павловиче». И именно этот художник, по нашему мнению, и был автором не дошедшего до нас оригинала для литографированного портрета Боратынского 1828 г.

Стилистический анализ его работ также даёт возможность дать положительный ответ на наше предположение. Работы Гампельна, несмотря на различную технику и манеру исполнения, объединяет наличие многочисленных любовно выписанных подробностей в костюме и в антураже, своего рода движение, что требует рассматривания подробностей. В нашем портрете это выразилось в наброшенном на плечи портретируемого плаще с клетчатой подкладкой, вносящем элемент беспокойства в изображение и придающем образу романтический характер. По особому взятой точке зрения — несколько снизу, может быть, как раз и вызвало ту самую непохожесть, отмеченную женой поэта в Мару.

Итак, в результате наших изысканий на один неизвестный факт в иконографии поэта стало меньше. Остаётся загадкой: почему же этот портрет не был опубликован А. Дельвигом в его «Северных стихах», как задумывалось?

Т. П. Гончарова.

В. н. сотрудник Музея-заповедника «Усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева».

«Я тень священную мне встречу...»

Запустение, окружающее нас, неопишимо, развалинам и могилам нет конца и счёта: что осталось нам, кроме «Летийских Теней» и той «несрочной весны», к которой так «убедительно» призывают они нас?

И. Бунин, 1923 г.

Порой происходят события, которые навсегда остаются в душе и заставляют задуматься о законах истории, о вопросах жизни и смерти, о назначении человека. Таким памятным знаком стала для меня одна из поездок 2003 года на место бывшей усадьбы Мары — «приюта младенческих годов» Евгения Боратынского, ныне село Софьинку Умётского района.

В те годы нам удалось добиться учреждения областного литературно-художественного музея, обосновавшегося в тамбовском доме Михаила Боратынского, внучатого племянника поэта, хранителя фамильных святынь. Вскоре художник и коллекционер Владимир Шпильчин передал в дар новому музею свое собрание, посвящённое Маре, а в сельской школе Софьинки открылась постоянная экспозиция, что рассказывала об истории места. Через несколько лет один за другим стали происходить другие события: в Петербурге вышла моя книга «Край отеческий... История усадеб Боратынских», областной музей закрыли, тамбовский дом Михаила Боратынского снесли, софьинскую школу сначала лишили имени поэта-земляка, а потом и вовсе упразднили. Однако в 2003 году, во время путешествия в Софьинку, это нельзя было предугадать.

5 ноября день выдался пасмурным и зябким. Утром накрапывал дождик, но когда, минув город Кирсанов, подъехали к Софьинке, ветер разогнал серые тучи, небо немного прояснилось, и всё пространство озарил тихий свет. Мы оказались на склоне холма, у речки Вяжлей, где в 1804 году началось строительство усадьбы. Ныне на этом месте раскинулся обширный пустырь, поросший седой полынью, с сельским кладбищем посередине. Рядом с фундаментом разрушенной Вознесенской церкви стоят надгробия дворянского некрополя, где покоятся мать поэта, его брат, племянник и племянницы, другие родственники, соседи по имению, а также одна из последних владелиц Мары — единственная дочь поэта Антона Дельвига баронесса Елизавета Дельвиг.

Уроженец тех мест митрополит Вениамин (Федченков) когда-то писал о некрополе:

Стеною низкой ограждённый,
На взгорье белый храм стоит,
За ним, кленами осенённый,
Господ старинный род лежит.

Кресты из мрамора белеют...
Лампадки тихо здесь горят...
На плитах надписи темнеют...
Цветы кругом могил пестрят...

В 1999 году к 200-летию Евгения Боратынского некрополь Мары попытались привести в порядок: с помощью археологических раскопок определили точные места захоронений и убрали следы поруганий, отреставрировали и установили надгробия, провели дорогу.

Постояв у могил на обдуваемом ветром дворянском кладбище, мы пошли дальше — туда, где на взгорье виднелось заброшенное здание детского сада — постройка советского времени. Неподальку сохранился шест с металлической табличкой, на которой можно

Портрет поэта Е. А. Боратынского. Копия В. Г. Шпильчина 1970-х годов.

было прочесть жизнеутверждающий текст: «Здесь был и будет дом Боратынского».

Мы обозрели фундамент небольшого усадебного дома, обнажённый во время раскопок 2000 года, и направились к парку, что вырос на месте подлинника XIX века. Он встретил нас чёрной графикой деревьев, тихим шуршанием влажных листьев под ногами и особыми осенними запахами. На главной аллее то тут, то там попадались свежие пенёчки и разбросанные сучья — жители Софьинки вырубали дубы и берёзы для топки печей.

Когда-то парк Боратынских был необыкновенно красив, особенно весной. Житель тех мест Дмитрий Поздняков вспоминал: «Конец апреля 1918 г. День — яркий, солнечный и по-весеннему тёплый. Пройдя с полверсты от дома усадьбы Баратынских, я вошёл в аллею дубового парка Мара, посаженного, как говорят, самим [отцом поэта] Абрамом Баратынским... Когда я входил в парк, солнце сквозило между голых дубовых ветвей, ласкало голубое поле подснежников и, золотя стволы дубовых великанов, превращало Мару в рай на земле... Воздух звенел от тысяч пернатых музыкантов. В непрерывную трель пёстрых зябликов влетало нежное многоколенное лепетание овсянок, дроздов, а из грачевни... доносился скрипучий, гортанный грачиный — «брат, бра-а-т» и сдавленный клёкот цапель. Подснежники, покрывавшие сплошь всю площадь парка, посеянные, как говорят, ещё старым баринном, своим нежным цветом дополняли весеннюю симфонию дня. Они весело глядели из-под ржавой прошлогодней дубовой листвы и, забравшись в столетние морщины дубовых деревьев, куда их семена были занесены, по-видимому, ветрами, — создавали зрелище сказочное».

Мы подошли к оврагу. У его подножия когда-то стоял каменный павильон «Грот», выстроенный в духе средневекового европейского замка, и в том же стиле купальня. От построек не осталось и следа, но всё так же продолжал о чём-то тихо журчать ручей Мара и гулко разносились голоса птиц. В мыслях всплыли строки стихотворения Боратынского «Запустение»:

...В осенней нагоде стояли деревья
И неприветливо чернели;
Хрустела под ногой замёрзлая трава,
И листья мёртвые, волнуясь, шумели;
С прохладой резко дымшал
Мне резкий запах увяданья,
Но не весеннего убранства я искал,
А прошлых лет воспоминанья...

Поздней осенью 1833 года Евгений Боратынский прогуливался по парку Мары и везде находил следы запустения. Его воспоминания о счастливом детстве и некогда процветавшем поместье, об умершем отце и тленности земного мира были созвучны осеннему настроению увядавшей природы. (Эти чувства и мысли воплотились в его стихотворении «Запустение», увидевшем свет в 1834 году.)

Однако как не были бы тогда грустны приметы утрат, всё же им было далеко до той страшной, всепоглощающей разрухи, которая наступила в Маре через 100 лет и которая продолжается сегодня.

В 1920—1950-х годах усадьба разделила судьбу многих дворянских гнёзд: постройки были разобраны на строительный материал, парк и плодовый сад вырублены на дрова, искателями драгоценностей осквернён фамильный некрополь. На поэта Боратынского поставили клеймо «помещика-крепостника», воспевавшего в стихах «эстетику усадебной жизни», и, таким образом, воздвигли идеологическую преграду для проникновения его наследия в широкое литературное пространство.

В конце 1960-х годов, после так называемой «оттепели», когда поэзия Боратынского стала возвращаться в общество, возникла идея воссоздания Мары и учреждения музея. Но воплотить этот замысел в жизнь так и не удалось: сначала у областной власти не было интереса и желания, потом — воли и научных возможностей, а теперь, в эпоху «второго пришествия капитализма», как говорят, — средств.

Вместе с тем в обществе растёт интерес к истории, поэтому всё чаще высказываются мысли о возрождении дворянских усадеб, свидетельствующих о знаменитых соотечественниках, в том числе и Мары. В ней Боратынский провёл детство и ей посвятил известнейшие стихи «Мара», «Родина», «Запустение». Здесь сформировались его характер, мироощущение и первые эстетические взгляды. Сюда он стремился душой и сердцем на протяжении всей жизни. Современник поэта Николай Коншин вспоминал о любви Боратынского к родительской усадьбе: «Я не знавал человека, более привязанного к месту своего рождения: он, как швейцарец, просто одержим был этой почти

неизвестной у нас болезнью, которую французы называют mal du pays [ностальгия, тоска по родине]. Питая надежду на скорое производство в офицеры, обнаруживал смелое перед нами желание тотчас же оставить службу и поселиться дома».

Судя по письмам и стихам, Мара — «сень святая», «дом отеческий», «край любимый» — была для Евгения Боратынского высоким и в то же время конкретным символом Родины. Чувство привязанности к родному краю испытывает любой нормальный человек, но столь острое его восприятие было присуще лишь душе поэта. Возрождённая Мара могла бы стать символом этих простых, частью забытых человеческих ценностей, без которых, однако, невозможно долголетие ни какого-либо народа, ни государства.

Следуя тропинками парка Мары, прислушиваясь к тихому лепету ручья и возгласам одинокой птицы, возникли мысли о «порочной бесконечности» человеческой истории — замкнутом круге всеобщего запустения. Но, как ни странно, уныния не было. В мыслях в такт шагам продолжали звучать негромкие стихи Боратынского. Казалось, что сам поэт незримо идёт рядом, свидетельствуя о чём-то очень важном. Из глубины сердца вдруг возникло удивительное чувство, которое разрасталось, захватывало душу и возвышалось над повседневностью. Оно в полной мере было созвучно переживанию Ивана Бунина, в 1923 году побывавшего в одной из бывших дворянских усадеб и увидевшего жизнь сквозь призму стихотворения Боратынского «Запустение»: «И росло, росло наваждение: нет, прежний мир... не есть для меня мир мёртвых, он для меня воскресает всё более, становится единственной и всё более радостной, уже никому не доступной обителью моей души! ...Среди запустения родных мест, среди развалин и могил я чувствую... незримое присутствие некоего Призрака; и он, «сия Летийская Тень, сей Призрак» —

Он убедительно пророчит мне страну,
Где я наследую несрочную весну,
Где разрушения следов я не примечу,
Где в сладостной тени невянущих дубов,
У нескудеющих ручьёв
Я тень священную мне встречу...

Марина Климова.

Э. А. Дмитриев-Мамонов. У грота в парке Мары, усадьбы Боратынских. Около 1861 года.

«... Боратынский ржёт и бьётся»

Рисунок А. С. Пушкина.

«Болдинская осень» сделала своё дело... Пушкин наготовил «и прозы и стихов» и 5 декабря 1830 года возвратился в Москву. Уже 9 декабря он спешит сообщить Плетнёву о своих успехах и о первом впечатлении от «Повестей Белкина» — «Весьма секретное, для тебя единое. Написал я прозою 5 повестей, от которых Боратынский ржёт и бьётся... — и которые напечатать также анонимно. Под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает. Итак, русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу». Что же так развеселило Е. Боратынского? И поддержал ли его Пушкин своим заразительным смехом?

Над повестями «Выстрел» или «Станционный смотритель» не посмеёшься. В «Метели» уморительно только венчание, а в «Барышне-крестьянке» смешна канва любовного приключения. Остаётся «Гробовщик», да от «чертовщины» не нахохочешься. Что же тогда возбудило кентаврическое состояние у нашего знаменитого земляка?

«Гробовщик» — самая нераскрытая повесть, но обильно интерпретируемая. К открытию её иносказательности и призывает А. С. Пушкин в предисловии «От издателя». Но вернёмся к исходному «ржанию» Е. Боратынского...

«Летопись жизни и творчества А. Пушкина» фиксирует: «Декабрь, 5...9.» — «Пушкин встречается с Боратынским», они «интенсивно общаются». Он «читает ему написанное в Болдине». Боратынский в письме от 10 де-

кабря Ивану Киреевскому: «... С тобою не виделся оттого, что занят был Пушкиным». Но картинка не вырисовывается, а она экзотическая.

Ясно, что формальности соблюдены, но воображение — мать любопытства. Пушкин и Боратынский встречались не праздно; один возвратился из «холерного» заточения, другому необходимо поделить поэмой «Наложница», к тому же они строят планы издания журнала. Тексты Пушкина ещё не переписаны, и он читает, перебирая листы черновика. Когда доходит до встречи гробовщика Прохорова и сапожника Шульца, произошло чудесное преображение Боратынского.

Пушкин показывает ему рисунок «Чаепитие» и, едва сдерживая смех, спрашивает: «Посмотри... Не наш ли это Фаддей?» — и указывает на круглоголового в жилетке. Боратынский «взорвался» без промедления. Его уже не остановить, не сдержался и Пушкин. Легкий подвох превратился в гомерическое событие. Дочитать «Гробовщика» составило больших усилий, но самых радостных. Боратынский, едва успокоившись, вновь вздымался, хлопал себя, притоптывал, «гарцевал» туда-сюда, «ржал» и не мог успокоиться:

— Нет! Представляешь? Он спит и видит нас в дырявых гробах, обтянутых мешковиной.

— А себя в расписном — по-вапленном, — подхватывал Александр, и они, опять не сдерживая эмоций, наперебой вспоминали случаи из жизни этого Зоила, рождённого с алтын под языком.

— Представляешь? — выдохнув, уже после прочтения сказал Боратынский. — Хотел собрать дань с благодарных покойников, да никого не нашлось.

— Так нет! Устроил второе пришествие, нечестивец! А купчиха из-за него по сию пору зависла где-то — ни там, ни сям.

В этой воображаемой беседе не хватает разве что портретного описания Булгарина. Атрибутируя рисунки Пушкина, забывают, что мир полон слов и глазастых литераторов, хотя графика его безукоризненна сама по себе. По воспоминаниям Николая Греча, Булгарин — тучный, широкоплечий, толстоносый губан. Мария Каменская видела его куда острее: «Булгарин был кругленький, на коротеньких ножках, с порядочным брюшком, голова плотно подстриженная, как бильярдный шар, лицо смятое, глаза выгаращенные, как у таракана, толстые губы его плевались, с лица его не сходила задорная улыбка, и вечно он спорил и хохотал (чем не святочный гаер? — В. Н.); одет был в светло-серенькое с ног до головы».

Та же линия сутулой спины, что на рисунке «Чаепитие», изображена Александром Брюлловым на виньette к сборнику «Новоселье» 1833 года — «Пушкин на обеде у Смирдина». Взгляд художника выхватывает Булгарина: выпученные глаза, стриженная голова-шар, губы и нос пухлые, одет в серое. Он откровенно позирует и попадает в «кадр» вечности.

Не будем забывать, что гробовщиком называют любого, кто вмешивается в привычное течение жизни, извращает её или необра-

тимо изменяет. Деятельность Булгарина воспринимали, в широком смысле, как угрозу русской литературе, как её гробовщика. Известно, «Северная пчела» не собирала нектар с «Северных цветов», она «паслась» на правительственном «чертополохе». И поделом!

У Булгарина-«Адриана» улыбка «шекспировского» гробокопателя, а нос карикатурно вздёрнут, что уместно для заносчивого Фаддея. Но поныне «исследователи» путают гробокопателя с гробовщиком и подползают к пушкинскому герою с шекспировским «пенсне» на носу.

Повесть «Гробовщик» не написана по горячим следам и не после стычки с Булгариным, по выходу 7-й главы «Евгения Онегина» в марте 1830 года. Но уже в начале мая того же года Пушкин пишет Плетнёву: «Знаешь ли что? У меня есть презабавные материалы для романа: Фаддей Выжигин. Теперь некогда, а со временем можно будет написать это». Время пришло осенью. Пушкин приехал в Болдино 3 сентября, а 9-го «Гробовщик» был закончен. Пушкин будто сбросил нечто тягостное. «Уж я тебе наготовлю всячины», — сообщает он Плетнёву тем же днём.

А наши развеселившиеся литературные сподвижники ничуть не охладели к сотворчеству. Не так давно Пушкин и Боратынский атаковали издателя Каченовского через «Московский Телеграф» № 7 в апреле 1829 года эпиграммами «Журналами обиженный жестоко» и «Хвала, маститый наш Зоил», теперь взялись за Булгарина. В конце февраля 1831 года в Альманахе «Денница» напечатаны их полноударные эпиграммы: «Не то беда, что ты поляк» и «Не то беда, Авдей Флюгарин» (1830), Пушкина и Боратынского «Поверьте мне, Фиглярин-моралист» (1829). Ни о каком взаимном охлаждении поэтов не может быть речи, обстоятельства мешали.

Эпиграмма «Не то беда, что ты поляк» ходила в списках, и кого изобразил Пушкин — не вызывало сомнений. Как вдруг в родном Булгарину «Сыне Отечества» в № 17 от 20 апреля 1830 года он напечатал её с заменой «...Фиглярин» на «Фаддей Булгарин». Фаддей Венедиктович срывает «маску» и высекает себя. Мы же имеем непосредственное свидетельство «прототипа» в пользу предположения, что Адриан и есть иносказательный

Булгарин, к открытию которого Пушкин призывает всех «любопытных изыскателей».

«Гробовщик» восстаёт из живых творений Фаддея Венедиктовича. Всё-то у него было с прицелом на удар, на выгоду, на выпячивание, на мнимую благонадёжность, на неприметную удавку властью своей или правительства.

За примером не пойдём далеко — и это только из описания «Вывески»: «Над воротами возвысилась вывеска, изображающая дородного Амура с опрокинутым факелом в руке». Пушкин намеренно пропускает описание обычно скорбного выражения лица и поникшей головы Амура. «Опрокинутый факел» — символ потухшей жизни — распространённый образ, но в руке «дородного», пышущего здоровьем Амура, он несёт неуместный, извращённый смысл. Клиенты Адриана принимают его за страдающего ангела. И тут из рассказа Греча выплывает удивительная быль:

«Однажды он (Булгарин — В. Н.) сбёжал со службы из Стрельни в Петербург, нарядился амуром, в трико, накинул на себя форменную шинель, надел уланскую шапку», но был случайно встречен цесаревичем и доставлен на маскарад. «Полюбуйтесь! — сказал он хозяйке (кн. Четвертинской — В. Н.) и гостям. — Вот дежурный по караулам в Стрельне. Вон, мерзавец! Сию минуту отправляйся к полковому командиру под арест! Амур, пристыжённый, одуроченный, удалился при общем хотете. Дело кончилось арестом».

Что заставило Булгарина нарушить устав и оборотиться в маскарадного амура, «с крылышками и колчаном»? Прямого ответа нет! Но вывеска с амуром начинает звучать иначе. Пристрастие Булгарина к эпатажным выходкам было его неугасимой чертой — маскаратно выделяться, пускать пыль в глаза. «Амур с потухшим факелом» подогревает его память о юношеском задоре, и он «дородно» вторгается в литературно-изобразительную правду жизни.

Вкус к «жареному» пушкинской поры нас мало задевает.

Боратынского и Пушкина это тревожило самым непосредственным образом. «Они ржали или похохатывали», и это можно объяснить, но важно прочувствовать былое...

Виталий Новаковский.

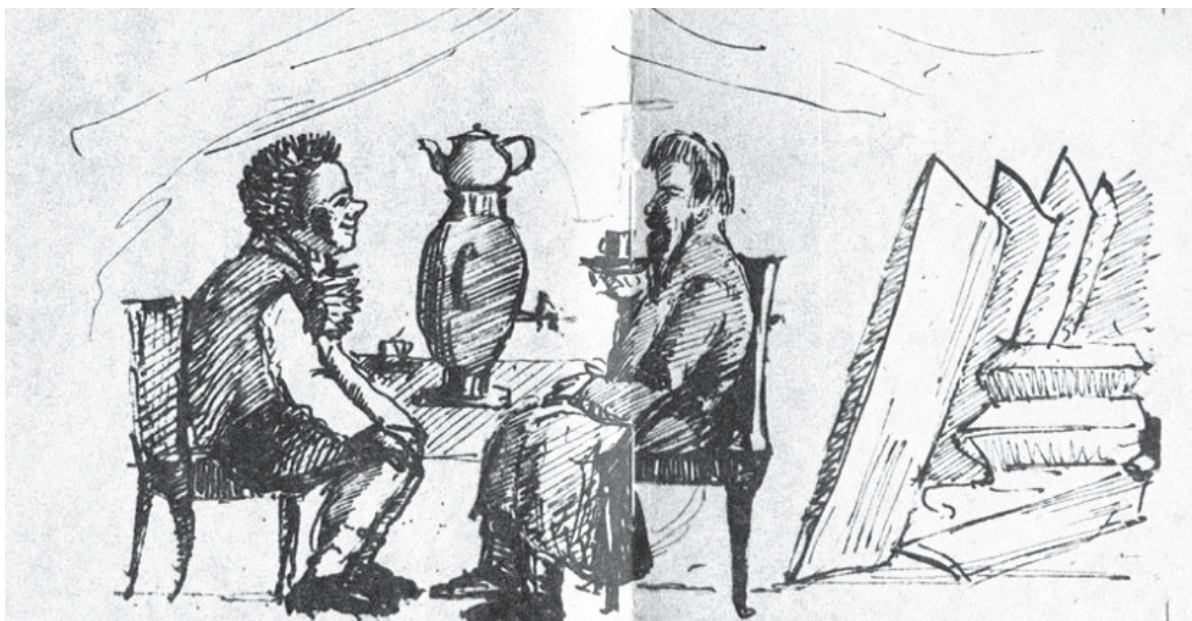

Рисунок А. С. Пушкина.

Литература и адвокатура

специальный проект

№ 2
2020 г.

С возникновением Тамбова (1636 год) почти сразу же на Базарной и на Сенной площадях расположились стряпчие и строчили сполжня челобитные и жалобы всем желающим за бокал вина или рюмичу водки. В основном это были спившиеся подьячие и приказчики съезжих изб, помощники губных старост. Они тоже продавали по сходной цене своё знание законов — в основном Судебников, издаваемых русскими государями, и их указов. Это были прообразчики современных юристов. Они «из найму» ходили по приказам и другим присутственным местам и отстаивали интересы своих господ.

1.

По судебной реформе XIX века присяжными поверенными могли стать лица, имеющие аттестат об окончании полного курса юридических наук в университетах или иных высших учебных заведениях, прослужившие не менее трёх лет по судебному ведомству или пять лет состоявшие кандидатами там же.

Введён был и возрастной ценз — 25 лет. Не могли надеяться на это звание состоявшие под следствием и судом и неоправданные. Вводились также и присяжные стряпчие — адвокаты при коммерческих (торговых) судах. Всем этим требованиям соответствовали и составили ядро тамбовской адвокатуры двадцать человек, ставшие присяжными поверенными при Тамбовском окружном суде. Среди них были уникальные личности. Сегодня мы расскажем о Гавриле Николаевиче Луженовском. События в Порт-Артуре и гибель эскадры Рождественского действовали на него весьма странно: он возненавидел свою профессию адвоката. По его мнению, не убийц и мошенников-купцов защищать сейчас надо, а Отечество, в опасности оказавшееся...

Но чтобы более детально раскрыть сущность характера Луженовского, попробуем реставрировать несколько эпизодов из его жизни.

2.

...С утра судебных заседаний не предостояло, предвиделся бездельный день, можно погонять чай со свежайшими плюшками и бубликами из булочной Мишалуева, что напротив Окружного суда. По сей причине присяжные поверенные пребывали в радужном и радостном настроении. Доброму расположению духа споспешествовал и день — пятница. Конец рабочей недели. Завтра Чистая суббота — нельзя работать и водку пить.

— Вот и отдохнём чуток от того и другого, — хохотнул ядрёно Казимир Казимирович Вольский — превосходный мастер по делам о банковских вкладных и долговых обязательствах.

Имея необъяснимый талант из должника делать в суде кредитора, а если больше заплатят, то и наоборот, он только что купил на Мещанской большой красивый дом, принадлежавший князьям Кутуше-

вым, но не въехал, производя дорогой современный ремонт по европейским образцам. Кивнув насмешливо Луженовскому, решил он испортить ему с утра настроение, подняв тем самым своё ещё выше, потому что относился к тем людям, которые, вопреки заповеди, строят своё счастье на несчастьях других.

— Давно хотел вас спросить, Гаврила Николаич, как чистокровного истинного русака, согласны ли вы с посылкой о том, что русские — самый эмоциональный народ в мире. Итальянцы и прочие южане — они темпераментны, а россияне ведь живут не разумом, а эмоциями. И, в отличие от европейцев, помнят только зло, напрочь забывая про добро, им сотворённое.

— Это из тех же вопросов, что и почему-де еврейский народ считается богоизбранным...

Михаил Казимирович Вольский, берущийся только за бракоразводные дела, привык после выигранного процесса, кроме гонорара в размере десяти процентов от общей суммы иска, брать в любовницы женщину, обретшую свободу от семейных уз. Но ровно на месяц. Это было непременным условием адвокатского соглашения. Выглядел он подержанным временем и страстями Дон Хуаном, страдающим хроническим простатитом и апатией, вызванной половым истощением и пресыщенностью жизнью. Обиженно поправив галстук-бабочку тёмно-вишнёвого бархата, он вступился за соотечественников:

— Скажите ещё, как полковник сыскной Протасов, что Библия — это скопище злодеев и преступников. Надо бы спросить его, пусть бы назвал ещё хоть одну книгу, которой две тысячи лет, а? А насчёт эмоций — истинная правда. Слышали, как вчера трое мужиков с Покровки траур по русскому флоту справляли? Нет? Напились в кабаке у Трофимова в Инвалидской слободе на Комендантской в стельку, выплыли на лодке на середину Цны, веслом дно пробили и стоят, орут: «Врагу не сдаётся наш храбрый «Варяг», пощады никто не желает!». Так и утонули, мариманы сухопутные. Изво всей «святой троицы» ни один не плавал. Вот это эмоции!

Третий собеседник — Вольский Владислав Казимирович — подлил масла в огонь:

— Самое парадоксальное в русском человеке, так это паническая боязнь чи-

новника и присутственных мест, но убить человека ему — раз плюнуть!

Старший из братьев то ли плюнул, то ли сделал вид, но для пущей убедительности растёр лакированным остроносом башмаком под собой пол.

Ещё один участник разговора, стареющий последнее время с заметной для глаза быстротой Яков Николаевич Алексеев, не сдержав гнев, вскинул руку с указующим перстом в сторону старшего Вольского:

— Я расцениваю ваш поступок как глумление над соотечественниками, которые сражались на полях Манчжурии и водах Тихого океана! Вы бы хоть ради приличия склонили головы перед погибшими за страну, где вы изволите проживать!

Владислав Казимирович не счёл нужным более дипломатничать:

— Наконец-то Россию проучили как следует! Ура! Началось! Так и надо нам! Пусть гибнет весь русский флот! А живём мы здесь? Только по жестокой необходимости!

Неведомая сила вздыбила Луженовского, возмущение пронзило тонкой болезненной иглой. Выпрямившись во весь свой богатырский рост, он прогудел басом откуда-то сверху, от потолка:

— Как смеете вы радоваться русскому горю? При нас, русских, приветствовать поражение русского оружия? Только подлый изменник может радоваться унижению своего Отечества!

Вольские не стали дальше испытывать судьбу и гуськом потянулись к выходу.

На следующий день Луженовский с утра пришёл в Ассигнационный банк. Управляющий Георгий Георгиевич Баградионов, невзрачный мещанин с Астраханского тупика, гримировавший себя под грузина (фамилия, как-никак, обязывала), удивился:

— Что это вы, господин адвокат, в такую-то рань к нам?

— Распорядитесь-ка снять с моего счёта все накопления, — спокойно сказал Луженовский.

Через час адвокат шагал по не успешей ещё просохнуть после утреннего полива деревянной мостовой к длинному, похожему на большой и неуклюжий барак зданию Губернского правления.

Лауниц был в отъезде, и его по «неотложному делу» принял вице-губернатор. Один из тех, менявшихся чехардой, кого в губернии никак не могли запомнить ни в

лицо, ни по фамилии, не говоря уж по имени-отчеству.

— Ну что вы, милейший Гаврилий Николаич, никаких на то разрешений и вообще решений не имеется. Да и сами посудите, что это будет, если каждому вздумается деньгами императорскому флоту помогать? Смех, да и только. Военные силы Его Императорского Величества не на подаяния частных лиц существуют. Так что ничем помочь при всём желании не имею права должного... Увольте и извольте. Смею напомнить золотое правило — каждый должен заниматься своим делом, а не фантазировать патриотические ненужные порывы. Вы вот сами-то помыслите — ну куда эти ваши деньги денет финансовое управление морского Адмиралтейства? На какую статью запишет и зачислит? У них же каждая копейка казённая расписана. А ваши деньги лишние! Понимаете, лишние...

Перед тем как уйти, Луженовский оглянулся и спросил:

— А вы-то тут не лишний? — и громко хлопнул дверью.

Измученная барышня в окошке почтовых переводов долго пересчитывала новые купюры, пахнущие богатством — шубами из норки, английскими сапожками из телячьей кожи с высокой шнуровкой, перстнем с бриллиантовым огоньком, но прежде всего пачки денег пахли состоятельным мужем, находящимся в состоянии содержать её в должном состоянии тела и души.

— Куда адресуете деньги?

— Военному министру. Там же указано.

— Вы что, ему должны?

— Барышня, если бы вы не были столь привлекательны, то я сказал бы, что вы глупы.

Телеграфная девица недовольно застучала штемпелем...

Через полгода бывшего адвоката Луженовского, а в последующем старшего советника губернского правления, начальника карательного отряда, подавлявшего массовые беспорядки, сопровождавшиеся убийствами дворян, чинов полиции и поджогами владетельных имений, на Борисоглебском вокзале застрелит пятью выстрелами эсерка-террористка Мария Спиридонова — гимназистка, бегавшая в Окружной суд послушать его замечательные защитительные речи, влюблённая в него «по уши».

*Из истории
тамбовской адвокатуры*

3.

Во времена Большого террора тамбовская адвокатура затаилась, втянула голову в плечи — как бы карательный меч социалистической законности не смахнул и её. Но уберечься не все. Достаточно перелистать протоколы заседаний Организационного бюро и президиума Тамбовской коллегии адвокатов за 1938 год. Под всеми документами того времени стоят три подписи: председатель оргбюро Антонов Г. С., его заместитель Адамович А. Н., член президиума оргбюро Малиновский Н. Н.

Официально тогда адвокатское сообщество именовалось «Тамбовская областная коллегия защитников».

Первый же протокол заседания президиума переносит в те уже давние предвоенные годы и передаёт аромат минувшего.

В самый разгул репрессий шла обычная рутинная работа: принимали в члены ЧКЗ — члены коллегии защитников, исключали, решали повседневные вопросы и проблемы, почти аналогичные нынешним, — финансы, ремонт, гонорары, содержание персонала... Вот несколько характерных примеров.

«Постановили: Тов. Покровского Ч. А. за систематическое пьянство и дискредитацию члена ЧКЗ из состава Тамбовской КЗ исключить...»

Рядовым образчиком крайней заполитизированности органов адвокатуры служит следующее дело:

«В августа 1937 года, как сообщил прокурор Кистанов, защитник Мамаев, выступая по делу Панкратова, отрицал наличие классовой борьбы на данном этапе. Однако учитывая, что нарсуд не вынес по данному случаю частного определения, какового в деле не имеется, а равно этот факт не отражён в протоколе судебного заседания и этот факт отрицает сам Мамаев, имевший место случай был в августе т. г. и в присутствии не его, а прокурора Глазунова, который об этом своевременно не

сигнализировал, учитывая всё это, решили Мамаева дисциплинарному взысканию не подвергать».

Президиум чутко реагировал на всякие нарушения, допущенные адвокатами.

«Член коллегии защитников Рассказовской юридической консультации Мухортов не выполнил профессионального долга защитника. Явившись на защиту по делу Чащиной Н. Н. в нарсуд Платоновского участка 30 ноября 1937 года, он сообщил обвиняемой Чащиной, что дело слушаться не будет за неявкой будто бы свидетелей, и уехал в г. Рассказово, не дождавшись об открытии судебного заседания по указанному делу и не поговорив об обстоятельствах дела с обвиняемой. Между тем это дело в тот же день было заслушано и Чащина осуждена к 6 годам лишения свободы. Мухортов лишил её Конституционного права на защиту. Учитывая, что Мухортов адвокат молодой (до трёх лет) и неправильность своих действий осознал, объявить ему строгий выговор с предупреждением».

Любопытно одно из решений по поводу заявлений о приёме в адвокаты:

«Постановили: Гр. Васильева Вера Алексеевна, бывшая нарсудья Каменского района, снята в 1937 году с работы народного судьи за связь с бывшим мужем-троцкистом. В ходатайстве ей в приёме в число ЧКЗ Тамбов обл. отказать».

Нередко встречаются печальные решения:

«Слушали сообщение Уполномоченного ЧКЗ Малиновского об аресте органами НКВД ЧКЗ Садовского Лав. Бал. И ЧКЗ Добромыслова Вал. Дм. ЧКЗ — член коллегии защитников».

Постановили: Садовского и Добромыслова отчислить из состава ЧКЗ как числящихся за органами НКВД».

Сколько жалости, сожаления и такта в словах и формулировках! И надежда — а может, вернуться?

Штат организационного бюро и президиума Тамбовской областной коллегии защитников состоял из четырёх человек: председателя, бухгалтера, секретаря и курьера.

Нельзя читать без грустной усмешки следующее постановление:

«Принять самое активное участие в проведении весенней посевной кампании. Коллективом КЗ проработать доклад Наркомзёма т. Эйхе на Пленуме ЦК ВКП (б).

Связаться с редакторами районных и городских газет, активно освещать ход межколхозного обмена семян, ремонта сельскохозяйственных машин, инвентаря.

При выездах в сёла обращать внимание на популяризацию Постановления Партии и правительства в беседах с колхозниками и рабочими совхозов.

Проводить в судах политически выдержанную защиту.

При выездах принимать меры к ликвидации в хозяйствах дебиторской задолженности перед коллегией».

4.

Неповторимое время Победы в Великой Отечественной войне смотрит на нас, живущих ныне, из документов областного Съезда адвокатов в первые мирные дни — 27 июля 1945 года.

Первые же слова отчётного доклада повергают в волнение: «Президиум проводил всю свою работу под общенародным лозунгом: «Всё для фронта, всё для победы над ненавистным врагом». Все адвокаты оказывают юридическую помощь раненым в госпиталях, военнослужащим, членам их семей и инвалидам на безвозмездной основе.

На съезде было озвучено, что в фонд обороны было перечислено 286490 рублей, в 1942 году на построение танковой колонны «Советский адвокат» президиум перечислил 51 тыс. рублей и ещё 50 собрали из личных сбережений адвокаты. На строительство танковой колонны «Советский юрист» — 25000 рублей, а адвокаты — 15000 руб. На подарки бойцам Красной армии собрано 5400 рублей. В помощь эвакуированным адвокатам —

10000 рублей, в фонд адвокатов, вернувшихся в освобождённые районы, — 8000 рублей. Адвокатам, уходящим на фронт, — 2800 руб. В помощь семьям тех, кто воюет, — 13000 руб.

Постоянно работники ТОКА работали на оборонительных объектах: противотанковые сооружения — рытвё рвов и надолб. За всё это коллегия удостоилась благодарности т. Сталина.

Кроме того, оказывалась помощь пострадавшим областными коллегиям: Орловской — 15000 рублей, Симферопольской — 5000 руб. и Ленинградской — 15000.

Пятнадцать тамбовских адвокатов ушли на фронт и сражались с врагом. Бурлаков награждён орденом Красного Знамени, двумя орденами «Красной Звезды» и двумя медалями. Попов заслужил орден «Красной Звезды» и медаль.

Летом 1945 года в области насчитывалось 63 адвоката.

В докладе озвучены недостатки в работе защитников. Вот некоторые цитаты.

«Говорят много и вообще, а процессуальных ошибок следствия и судов не замечают и не выявляют, в речах и жалобах не указывают, особенно тех, которые ведут к безусловной отмене приговора». «Не знакомятся с протоколами судебного заседания». «Проявляют халатность и невнимательность. Обвиняемые Соседов и Серугин были осуждены по одному и тому же преступлению дважды, причём во второй раз приговор был более жестоким, чем в первый». «Допускают альтернативные мнения в речах и жалобах, прося оправдать или переквалифицировать действия подзащитных».

А председатель президиума Климов в сердцах воскликнул: «Отдельные адвокаты никак не могут понять, что честное и добросовестное отношение к возложенным на них обязанностям — первостепенная важность в их работе!»

Съезд дал оценку работе президиума, признав её удовлетворительной...

Владимир Селивёрстов.

Люди — как книги

Миниатюра

Есть люди-романы, есть и рассказы, люди-повести, также порой встречаются люди-миниатюры либо отрывки. Встречал я людей-чашушек, приходилось также мне пару раз разговаривать с людьми-анекдотами. Забавный народ, у всех на слуху. Да парочку из них вы точно видели.

Вообще я любитель захаживать к людям-песням, у которых часто можно встретить людей-куплетов, либо людей-напевов-припевов, причём многие из них с чувством внутреннего такта, но порой не тактичны в общении, и из-за этого у них случаются перепалки с людьми-рифмами. Признаться, я очень люблю людей-стихов, но есть и люди-поэмы, таких редко найдёшь, но я о них очень много слышал, от людей-мемуаров.

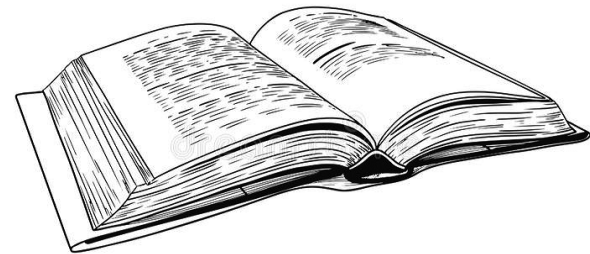
Один раз я познакомился с человеком красочной обложкой, но дальше знакомства дело не пошло, не знаю, где он сейчас, полёживая, наверно, в какой-нибудь квартире. Вообще есть люди-альманахи, люди-журналы с картинками и без, но я предпочитаю людей-газет, пусть даже не первой свежести. Очень часто приходится на улице или рядом с подъездом разговаривать с людьми-макулатурой, скажу честно, они всегда ходят с людьми, состоящими из жёлтой газеты. Встречал я и людей с громкими названиями, но я их обхожу стороной по совету людей с цветными картинками. Есть люди-сборники, но они сами по себе, и я с ними говорю только по настроению. А вот люди-драмы, по-моему, очень загадочны, но я их встречал только в театре, их туда зовут люди-пьесы. Есть и люди-спектакли, это вообще отдельная

тема, мне больше нравится смотреть на них со стороны, чем участвовать в общении.

Есть, например, чему поучиться у людей-пословиц, но и не мешает поддерживать связь с людьми-словарями. Представьте, существуют и люди-кодексы, но они заиклены на очень узкой специальности и, сказать по правде, в подавляющем большинстве своём очень скучны и непостоянны. Кстати, признаюсь, я один раз видел живого человека Афоризма. Я его до сих пор помню. Можно вспомнить и людей-открыток, но они в большинстве своём банальны, я с ними редко общаюсь. Кстати, людей-черновики очень много, это у нас, можно сказать, рабочий класс, — без них никуда.

Недавно встретил знакомого-сказку, он мне такой небывальщины порассказал, что, признаюсь, ему только с детьми общаться, которые всем на слово верят. Есть люди мягкие, а есть и в твёрдой обложке, а особенно я хотел бы остановиться на людях-критике, они общаются, не разбирая, где мягкая, а у кого твёрдая обложка, с ними мало кто водится, а некоторые их боятся. У меня есть пара друзей-учебные пособия, но они нудные настолько, что с ними и говорить не хочется. Есть люди ритма, а есть люди паузы, мне думается, что они в чём-то похожи.

Вчера звонил человек-детектив, но я с ним не стал разговаривать, он всегда развлекает, может, это и хорошо, но мне толк нужен. Ах да, вы уж извините, но, честно сказать, развратный этот народ-детективы.

Вспомнил на днях о человеке басне, казалось бы, обычный жизненный человек, а эту жизненность так подметит, что и ново звучит. Есть люди, которые прям так и называются быть, они всё время переключаются с людьми-летописями. От последних я чихаю, но что поделать — полезно. А дети их в основном чашушки, но есть и внебрачные дети, их называют поговорками, которых старые бабки очень любят. Так бывало замусолят их, прям до тошноты.

Может, кто видел людей справочников, я забыл, где один из них живёт, вроде всегда перед глазами мелькает, а тут в нужный момент и след простыл, подскажите, пожалуйста, окажите честь. Много люда разного живёт, есть люди-статьи, а есть эпиграммы, некоторых я бы назвал эпиграфами, но не более. Можно встретить и человека-дневника, но это люди замкнутые и мелочные по своей сути, поверьте мне на слово, я со многими из них общался. Ах да, забыл сказать, мне, например, интересно общаться с людьми многогомоными — к ним привыкаешь. Кстати, если вы подумали о людях-фантастах, то сразу скажу — это не те. Особенно некоторые из них, как начнут пустоту пороть, так хоть уши затыкай. Хотя есть и у фантастов люди хорошие, но это, к сожалению, вариант штучный, и, по моим сведениям, их уже не выпускают.

Ладно, что-то заговорился я, пойду скажу спокойной ночи человеку-ежедневнику.

Владимир Самородов.

Маленькие жизни

«... я себе ото всех особняком, помаленьку живу, втихомолочку живу»

Ф. М. Достоевский
«Бедные люди»

Книга адвоката В. Ю. Самородова «Под дождём моих мыслей» вышла в свет в Тамбове в 2018 году.

На её обложке — грустный юноша под зонтом.

Уже само название книги настраивает её читателя на лирический, даже несколько меланхолический лад.

Кем же является автор? Лириком? Меланхоликом? Философом? Стоиком?

Отвечу утвердительно — он соединяет в себе многие начала. Однако всё же рискну предположить, что он — лирический философ, спокойно наблюдающий за жизнью с меланхолическим стоицизмом. Своего рода свидетель.

Книга состоит из семи рассказов: «Стул», «Неведомый закон», «Ключ», «Зверь», «Судьба-проказница, или Жизнь с расчётом на смерть», «Дела душевные», «1909 год, январь».

Интересно, что все главные герои рассказов не имеют фамилий. Перед читателем проходит целая галерея Владимиров, у которых меняется только отчество: Радович, Никонорович (так в рассказе!), Трифонович, Астафьевич, Серафимович, Абрамович, Карпович.

Эта галерея — не случайность, не прихоть автора, а сознательное следование некоей задаче. Бесфамильность главных героев не делает их «смычками», они не становятся неизвестными. Фамилии может угадывать сам читатель. При этом важно отметить, что все главные герои «портретны», и это тоже как-то отсылает нас к понятию «галереиности».

В. Ю. Самородов — прилежный ученик русских писателей века девятнадцатого, которые создавали галереи русских типов.

Что же это за герои?

Главные герои автора — провинциалы, жители небольших городов и городков. Они любят ничем не тревожимый, безмятежный, бесшумный Покой, ценят свой Дом.

Этот Покой, с одной стороны, — основа жизни, этакий провинциальный консерватизм, в общем-то, даже и нужный нам, современным россиянам.

Герои — крепкие и домовитые горожане, в основном холостяки, крепко стоящие на родной почве двумя ногами. Интересно отметить при этом, что они никак не связаны с женщинами. Последние вообще отсутствуют в рассказах автора не только как самостоятельные, но и как мимо проходящие персонажи. Мир этих героев — это мир одиноких мужчин. Более того — одиноких людей в современной российской провинции.

Они провинциально живут в своих городах, обособленно и как бы закрываясь от жизни, от общества. Они, как улитки, прячутся в раковину частной жизни.

Все главные герои существуют «на узкую ногу» (рассказ «Неведомый закон»), жизнь их «уже давно замедлилась, стремления утихли», «изменить и остановить» «ход жизни» они не могут (рассказ «Стул»).

Каждый из героев рассказов по своему ищет — не ищет — находит — не находит выход из своего Одиночества.

Владимир Радович изо всех сил «держится» за «свой» стул-смысл, и потом, потеряв его, грустит «...о чём-то большом, необъятном», как прошедшая жизнь.

Владимир Никонорович, имеющий «своего» личного попрошайку Фильку, смотрящего на благодетеля с надеждой и благодарностью, как на родного; впоследствии, с исчезновением нищего, существование вроде бы милосердного «подавателя» становится ещё хуже.

Владимир Трифонович, любитель домашней стряпни, покоя и природы, который избавляется от своего ключа, может быть, даже и от ключа своей иной жизни.

Владимир Серафимович, сделавший себе гроб-корабль, который оправдывал для него самого его утлое существование самодовольного столяра, занимавшегося ненужным для себя.

Владимир Карпович, путь которого к отцу Анисию никак не увенчается встречей со священником по случайным вроде бы обстоятельствам — его путь был нелёгким и далёким.

Всё это — истории маленьких людей с их незначительными на первый взгляд жизнями. Эти люди не могут изменить свою жизнь, и не только потому, что не хотят (им так удобнее), но и потому, что во все их намерения вмешивается СЛУЧАЙ, как бы подстерегая этих незадачливых граждан за углом.

Пуста ли жизнь этих людей? Да, наверное, пуста. Они живут как бы на обочине. Но это только на первый взгляд. Их жизнь, вроде бы такая пустая, одинокая, тшкетная, всё же не совсем и не окончательно бессмысленна. В ней всё же присутствует некое СТРЕМЛЕНИЕ. Это Стремление не выражается во внешне ярком поступке. Оно заставляет их чего-то, чего они и сами не понимают, желать, чего-то хотеть — неясного, непонятного, но главное — иного.

Но приходит и проходит СЛУЧАЙ, после чего само по себе, как бы рассыпаясь, исчезает и СТРЕМЛЕНИЕ, а потом жизнь вновь вступает в свои обычные мешанские права, всё возвращается на круги своя. Но не в этом ли и СЧАСТИЕ этих героев?

Да, они счастливы по-своему. Они живут призрачной, параллельной, мизерной, но тем не менее счастливой жизнью. Устремляясь к чему-то неизвестному им, спотыкаясь о СЛУЧАЙ и собственную духовную лень, отказываясь от СТРЕМЛЕНИЯ, они возвращаются к своим прежним оковам бытия.

Тяжки ли эти оковы для них? Думаю, что нет. Скорее, они удобны, даже комфортны. История героев во многом — это история конформизма, соглашательства с самими собой.

В их жизнях есть сюрреалистичность, фантазмагория, невнятица, их жизни блуждают по каким-то тёмным, слабо освещённым провинциальным переулкам. Их жизни по-своему интересны и даже заняты для читателя. В их бытовании есть оригинальный юмор... НО... Но в них нет подлинной трагедии, такой, какой она была у гоголевского Акакия Акакиевича или же у пушкинского Станционного Смотрителя.

Они не восклицают: «За что вы меня обижаете!» Они не обидчики, но и не обиженные. Они — своего рода «добровольцы» «узкой» жизни, её верные почитатели, последователи.

Закономерно, что из всех героев книги на ПОСТУПОК (окончательный, решительный)

оказывается способен только один герой — пёс Барбосик (рассказ «Зверь»). Именно Барбосик демонстрирует читателю лучшие «человеческие» качества — он беззаветно верен Петечке, пытается спасти (уже из могилы) Петечку, вступает в поединок со Смертью. Кстати, сам автор указывает на это: «...велик зверь бывает в момент жизненный».

С героями Владимира Самородова хорошо коротать милые провинциальные вечера, блаженствовать за чашкой чая, они становятся такими «родственничками», соседями, даже друзьями. Это, конечно, немало, но... Остаётся недосказанность и многоточие. Впрочем, вполне положительное.

Семён Золотухин.

Уважаемые коллеги!

Поздравляем Александра Дмитриевича Золотухина (к.ю.н., заведующего кафедрой гражданского и арбитражного процесса Института права и национальной безопасности ТГУ им. Г. Р. Державина) с высокой федеральной наградой — Золотой медалью имени Ф. Н. Плевака в номинации «За крупный вклад в развитие российской адвокатуры», а также премией Тамбовской области имени Ф. Н. Плевака за большой вклад в подготовку высокопрофессиональных юридических кадров.

Александр Дмитриевич является инициатором создания и хранителем музея известного адвоката Фёдора Никифоровича Плевака, который находится в Институте права и национальной безопасности в городе Тамбове. С его помощью была создана экспозиция музея, которая постоянно пополняется и рассказывает нам о жизни известного адвоката.

С уважением
коллектив Адвокатского бюро
«Селиверстов и партнёры».

Поздравляем и желаем дальнейших успехов юристам года!

Тамбовское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» определило юристов года, среди которых есть адвокаты и учёные.

«За вклад в развитие бесплатной правовой помощи» был отмечен председатель Тамбовской областной коллегии адвокатов Александр Григорьевич Приходько, который действительно помогает людям, являясь одним из достойнейших представителей своей профессии.

«За вклад в юридическую науку и образование» наградили заведующего кафедрой гражданского и арбитражного процесса института права и национальной безопасности ТГУ имени Г. Р. Державина Александра Дмитриевича Золотухина, который создает традиции юридического образования, профессионально и творчески относясь к своим обязанностям.

Мелкий шрифт

Сергей Михайлович Тихорецкий шёл босой по прямой, слегка запылённой асфальтированной дороге. По правую руку появился немолодой мужчина, напоминавший деда-фронтовика. Подбородок и щеки чёрствые, закалённые, а в жилистых руках клетка с неведомым тучным зверьком.

Ранний звонок шефа развеял этот сон, и он голосом давно проснувшегося человека чётко выговорил:

— Как прибуду в офис, зайду.

Спустя час Тихорецкий миновал пластиковые колонны металлоискателя коммерческого банка. В вестибюле его встретил шеф — начальник кредитного отдела. На побагровевшем просторе его щёк прогнозировалась буря.

— Тебя директор ждёт к десяти, и постарайся меня не уволить, сам наворочал, сам и разгребай, — потребовал шеф и, развернув свисающий, как убежавшее из кастрюли тесто, живот, посеял куда-то по блеску влажного пола.

Директор банка, назначая встречу, полагал, что это решение самостоятельное, однако Тихорецкого давно раздражали новые указания сверху, которые его работу превращали в откровенное жульничество. Дельцы из «Нью-Хитровки» — вторгшись в его личное пространство, не придали значения силе классического воспитания. Поэтому на днях он вынужденно встретился с другом детства айгишником Аркадием и обсудил рецепт сохранения иных ценностей и собственного покоя.

К назначенному времени Сергей Михайлович появился в приёмной.

Молодая, с йогуртовым лицом секретарша Даша, взглянув поверх кошачьих очков, выпустила маникюр, передавая гнев босса. Её недолгие шелка облегли сбалансированную и привлекательную фитнес-фигуру.

Мужчины часто раздевают взглядом женщин, а Тихорецкий, напротив, одевал. В его галереях памяти не успевали запылиться наряды разных эпох. Здесь было античное величие, благородство средневековья, готическая мистика с колкими испанскими воротниками, пушкинская пора с романтическими жабо и всё то, что помогало воображению создать образ женщины-вдохновительницы, музы.

Но зачастую августейшие наряды, не нащупав желанные изгибы, спадали. Вот и мир Даши оказался лишь модным бутиком.

— А, Сергей Михайлович, проходите, присаживайтесь, — властно обозначился молодой владелец банка Зубов Максим Егорович.

Его отец Егор Васильевич обитал в главном офисе столицы и, как повелось, отдал часть владений своему потомству.

Едва переступив порог просторного кабинета, Тихорецкий погрузился в старый колониальный стиль. Нависающие тёмные квадраты, неподъёмная мебель и плотные шторы заглушали солнечный свет. Удостаивающий вид владельца силится возглавить серьезность этого места, но видимо дарёная отцом оранжевая жизнь измельчила породу Зубовых.

На доминиканском загаре изогнулась бровь, и, скрутив пальчики, Максим Егорович изложил суть:

— Сергей Михайлович, работаете вы у нас давно, а под моим началом скоро год будет, но встреча у нас со знаком вопросом.

Банкир достал из коричневой папки какую-то бумагу и перешёл на «ты».

— На каком основании, выдавая кредит гражданке Смирновой, ты убрал условия с мелким шрифтом?

Бумага порхнула на стол, и начальник взглядом строгой воспитательницы смотрел на подчинённого.

— Максим Егорович, вы доводили, что возможно и убрать этот пункт.

— Доводил — убирать только управленцам из структур власти и органов. Кто уполномочен создавать проблемы. Ты же прекрасно знаешь, что мелкий шрифт — наш кормилец.

— Максим Егорович, но рекламный процент даёт банку рост даже с учётом неплательщиков. Конечно, без сверхприбыли, но честно.

— Ты предлагаешь передать отцу, что мой филиал доходность уменьшит, так как все вопросы теперь решает не совет директоров, а Тихорецкий.

— Максим Егорович, скажу как есть, гражданка Смирнова пятнадцать лет проработала в нашем прежнем «Элит Банке» и немного — в новом «Стандарт Банке». Из-за ухудшения зрения вышла на пенсию, но «не выжила», вот и оформила кредит на лечение глаз. Скоро найдёт работу и станет выплачивать долг. А в родной банк обратилась, чтобы в других не обманули. Накинуть ей излишков, согласитесь, как-то не по совести. Да и упомянула ещё про дальнего родственника из ЦБ.

Максим Егорович ухмыльнулся:

— Больше ни о ком не упоминала? Сотрудники ЦБ и их родственники кредит берут в «своём» банке и без обременений, а совесть твоя — сегодня товар невостребованный.

— Послушайте, — начал, было, Сергей Михайлович, но зазвонил телефон и Максим Егорович дал знак молчать. Обговорив размеры обувного шкафа, он продолжил:

— Всё не успокоишься.

Вновь открыв коричневую папку, он достал копию странного документа, где текст подлинника был набран ещё на печатной машинке.

— Вот отставники из нашей службы безопасности на прежней работе интересные факты твоей биографии накопили. Просили не разглашать, но думаю, простят. Так вот, в 1987 году, работая в СМУ № 1, ты поменялся очередью на квартиру с гражданкой Мальцевой, пропустив её значительно вперёд. Что скажешь, тоже совесть? А я вот здесь иное усматриваю.

У Тихорецкого расширились глаза, но ответил он спокойно:

— Я давно забыл, а другие помнят, дайте минутку... Да, у Ольги Мальцевой тогда муж погиб, дети остались. Мы с ним друзья по комсомолу были, помню, хоккейную коробку строили, собирали подростков в секции. Хотелось что-то хорошее сделать людям, а квартиру мне через год дали, только больше и район тише.

— Рашен фэнтези! Или благой расчёт? — не к месту словчил Максим Зубов.

Он внимательно посмотрел на документ:

— Гм, Тихорецкий 63-го, а заёмщик Смирнова 65-го года рождения, и оба из села Рябиновка.

Его брови расправились, лицо повеселело. Подлаживаясь к стереотипу о знатных банковских семьях он, экономя на букве «р», спросил.

— Скажи, Смирнова — подруга юности? В молодости на колхозных полях во ржи валялись. Верно? Как мужик мужика я тебя пойму.

«Путаный человек этот Зубов, — думал Тихорецкий, — оскорбляя, роняет своё же достоинство. Что ж, скрещивать шпаги — это удел благородства, что в этом кабинете недоступная роскошь, но и сатисфакция будет немедленной».

Он проверил часы. В этот момент забежала секретарша.

— Максим Егорович, на почту письмо пришло из ЦБ. Важное.

— Из ЦБ? — насторожился он. — Дай скорее.

Зубов начал бурчать, но обрывки слов выстроили единый смысл, а именно, что позавчера проводилась проверка банка и сотрудники ЦБ не выявили нарушений при кредитовании тайного заёмщика.

— Сергей Михайлович, — огорошенный Зубов метал недоумённые взгляды, — Сергей Михайлович, благодарю вас за профессиональное чутьё и прошу — забудем наш разговорчик.

Тихорецкий вышел из кабинета. До него ещё доносились указания вызвать начальника кредитного отдела, и что он давно предупреждал, что надо повременить с сомнительными нововведениями.

Он не курил, но в ближайшем сквере присел на дальнюю лавочку близ успокоительно журчащего фонтана и зажёл заблаговременную толстую сигару. Рассматривая рекламный щит банка, где мощный бык шествовал в гору, он клубами дорогого дыма подготавливал встречу: «Занялся ты, старина, дешёвыми трюками, ещё и главного не достиг. Прежних учителей не осталось, мысль людская мельчает, а элита рога и копыта».

Он стал понимать, что просто нудит. Неожиданно нить размышления прервалась. Вдоль фонтана прогуливалась женщина в светлом одеянии. Как некое воплощение эллинской богини, она казалась окрылённой, недоступной и посвящённой в неземные тайны.

«Если и существовала гомеровская Афина Паллада, то была именно такой, а оберегаемый ею Одиссей познал истинное счастье», — думал он, окружаемый романтическими рифмами.

Тихорецкий, почувствовав силу молодых лет, избавился от сигары и поднялся пред «девой достойной», как сказал о ней Гомер.

Эдуард Емельянов.

1»

— Татьяна Валерьевна, имя художника Николая Шевченко, к сожалению, малоизвестно жителям Тамбовской области. Чем это вызвано?

— Творческая биография Шевченко во многом похожа на судьбу русской интеллигенции. Жизнь многих художников трагически ломалась в водовороте революционных событий, крутых исторических перемен, повлекших за собой формирование новой идеологии, иных установок в области культуры и изобразительного искусства. Скромный человек, дворянин по происхождению, Николай Михайлович Шевченко не вписывался в рамки существующих идеологических установок. Поэтому долгие годы имя мастера было забыто.

Впервые сведения о художнике были опубликованы искусствоведом Владимиром Михайловым (1935—1990 гг.) в книге «Художники Тамбовского края» (1976 год). Этот альбом-каталог — некая попытка систематизировать художественное наследие Шевченко.

Необходимо отметить вклад в сохранение творческого наследия Шевченко двух замечательных людей. В своё время в фонды Тамбовской областной картинной галереи свою коллекцию работ Шевченко передал известный актёр, режиссёр, краевед Александр Смирнов (1924—2003 гг.). Ещё один почитатель таланта Шевченко краевед, учитель географии, преподаватель Тамбовской гимназии Фридрих Вильгельмович Лунгерсгаузен (1884—1960 гг.). Он также любезно подарил альбомы с рисунками, живописными работами областному Всероссийскому обществу охраны памятников истории и культуры.

Вот и сегодня благодаря энтузиазму любителей творчества Шевченко вышел наиболее полный каталог его работ. Это издание позволит вернуть имя замечательного художника широкому кругу любителей живописи.

— Шевченко считал себя тамбовчанином?

— Думаю, что да. Ведь он прожил в Тамбове около сорока лет. Здесь Шевченко полностью посвятил себя творчеству, способствуя развитию и формированию художественной среды.

Тяжёлым испытанием в судьбе Николая Шевченко стала русско-турецкая война (1877—1878 гг.). Он был её участником, что не могло не отразиться на его творчестве.

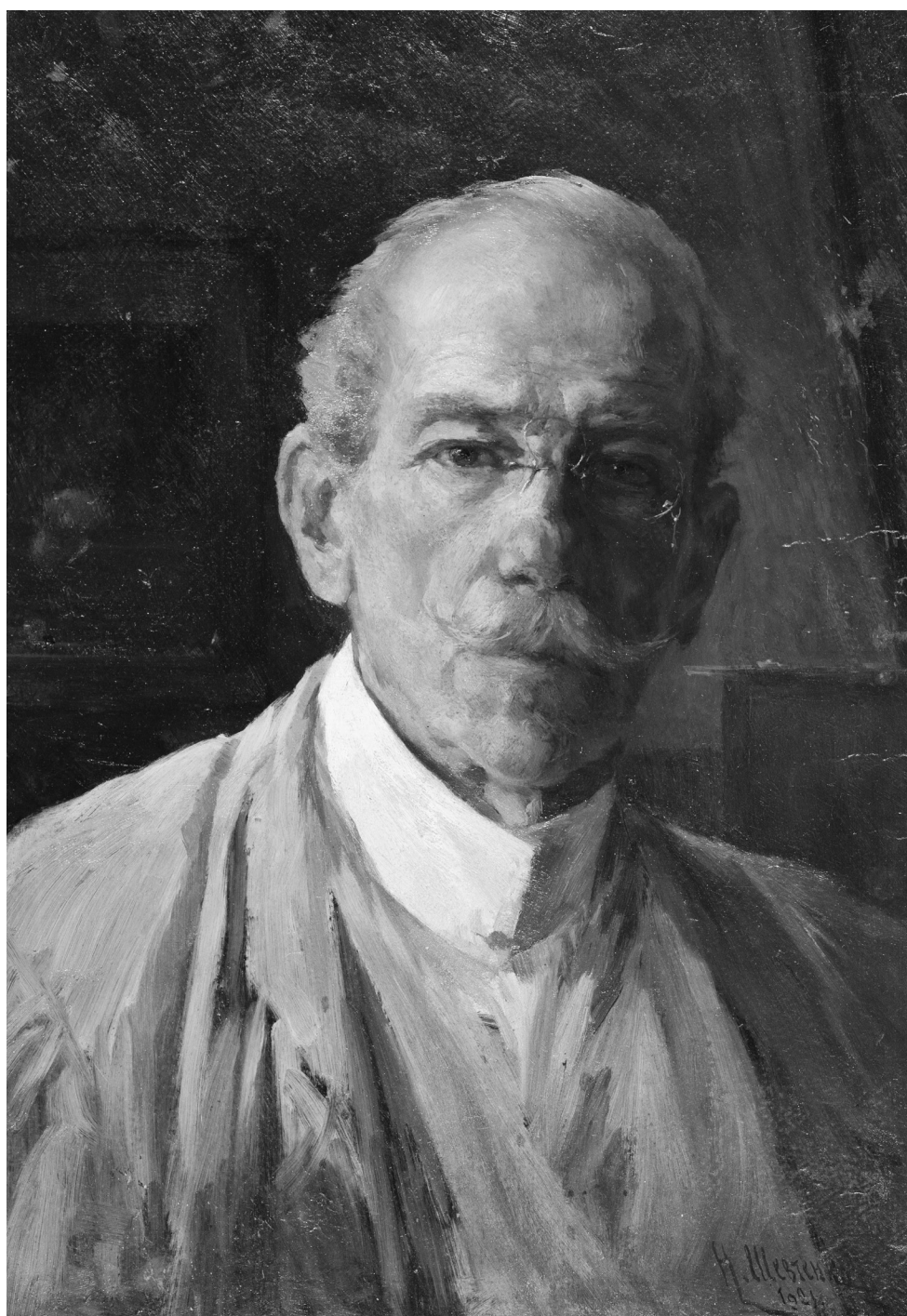
Интересно, что на фронте Шевченко встретился с писателем Всеволодом Гаршиным, который в качестве добровольца попал под командование художника. Они подружились и, невзирая на субординацию, даже поселились в одной палатке, что дало возможность Николаю Михайловичу оставить нам графический портрет писателя.

Нельзя не отметить влияния на творчество Шевченко русского художника И. Н. Крамского, в частности, в применении им техники «мокрый соус», получившей широкое распространение в России в конце XIX века.

Приблизительно в начале 1890 годов местом службы Николая Михайловича Шевченко стал Тамбов — город, с которым была связана его дальнейшая судьба.

Большую роль в судьбе художника сыграло знакомство с фабрикантом и меценатом Михаилом Асеевым (1858—1933 гг.). В 1905 году Шевченко ушёл в отставку и полностью посвятил себя творчеству.

Возвращение забытого имени

Николай Шевченко.

живя в Тамбове, имея свою художественную мастерскую, он имел возможность создавать живописные работы разных жанров. Основным в его творчестве остаётся портрет, в котором наиболее ярко проявляются профессионализм, стилистические особенности его живописного языка. Опираясь на традиции реалистического искусства, Шевченко создал неповторимые образы своих современников, в которых чувствуется его внимание и бережное отношение к натуре.

— Сохранилась ли в Тамбове могила художника?

— Николай Михайлович Шевченко был похоронен на Петропавловском кладбище. А. Н. Смирнов в своей статье пишет: «...Едва не исчезла даже могила семьи Шевченко на Петропавловском кладбище. К счастью, стараниями близких художнику людей летом этого года (1994) после тридцатилетней волокиты был восстановлен могильный холм и поставлен крест с табличкой. То, чего тридцать лет не могли сделать прежние «радетели» о культуре, мэр города и его сотрудники сделали за два месяца. На могиле была совершена панихида, и теперь каждый, кому дорого прошлое родного города и люди, составляющие его гордость, может прийти сюда, вспомнить талантливого, безгранично доброго, совершенно незащитного художника».

В последние годы благодаря стараниям тамбовских краеведов Андрея Гнатюка и Владимира Середы на месте захоронения появилось новое надгробие с «Автопортретом» Николая Шевченко, установленным на мольберте, и табличкой с именем его и сестёр и словами признательности: «Талантливому художнику от благодарных тамбовчан».

ИЗ БИОГРАФИИ

Николай Михайлович Шевченко родился в 1857 году в местечке Шаулиха Киевской губернии в небогатой дворянской семье. Окончил курс Петровской Полтавской военной гимназии, в которой наряду с обязательными дисциплинами проводились уроки танцев, пения, рисования. Рисунку обучали выпускники Петербургской Академии художеств В. А. Волков (1840—1907) и И. К. Зайцев (1805—1887).

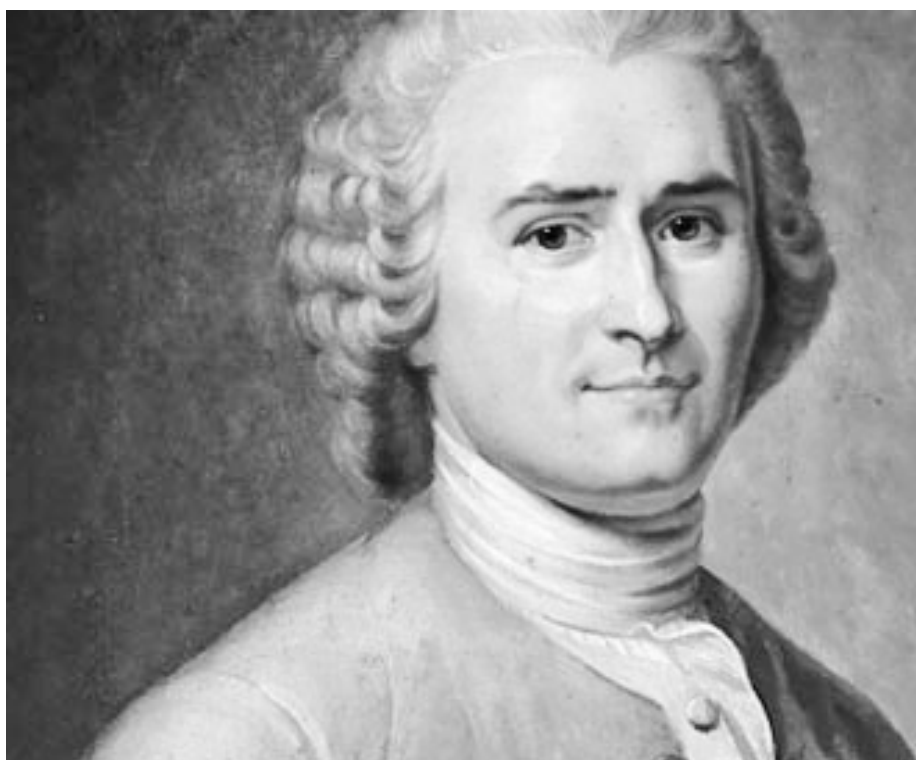
Шевченко продолжил учёбу в Павловском военном училище в Санкт-Петербурге. В это время Шевченко посещал в качестве вольноприходящего ученика Петербургскую Академию художеств. Здесь он сблизился с будущими лидерами передвижников И. Н. Крамским и Н. А. Ярошенко, а также будущим ярким представителем художественного объединения «Мир искусства» М. В. Добужинским (1875—1957).

В 1907 году Николай Шевченко и Иван Потапов (известный врач, гласный городской думы, член управы, городской голова) создали объединение, получившее название «Общество любителей художеств». Но это уже отдельная, не менее интересная тема для беседы.

— Расскажите более подробно о тамбовском периоде творчества Шевченко.

— Специалисты считают его наиболее продуктивным и значительным. И если ранее Николай Михайлович в основном, выполнял графические произведения, то,

Руссо экспромт

Феномен музыки был и остаётся предметом размышления многих философов мира. Тут же вспыхивают в сознании три имени — Руссо, Шопенгауэр, Ницше, творчество которых до сих пор нас волнует и побуждает к спорам. Как свой собственный, я часто повторяю афоризм автора «Заратустры»: «Без музыки жизнь была бы ошибкой». Что это, если не реклама самого одухотворённого из искусств? А вот резюме рассуждений Шопенгауэра о музыке, он почти обожествляет её: «Музыка, не касаясь идей, будучи совершенно независима и от мира явлений, совершенно игнорируя его, могла бы до известной степени существовать, даже если бы мира вовсе не было, чего о других искусствах сказать нельзя».

Что касается Руссо, думаю, именно любовь к музыке сделала его тонким лириком самопознания, каким он предстаёт перед нами в знаменитой «Исповеди». С музыкой он предполагал связать свою судьбу, самостоятельно проштудировал «трактат по гармонии», усвоив основные правила музыкального мышления. Подрабатывая перепиской нот, попутно учился азам оркестровки, транспонированию, чтению с листа, пробовал писать дуэты и арии. В своих увлечениях (шахматы, фехтование, ботаника, литература, история, политика, прогулки, наконец) Жан-Жак был неистов, доходил до крайностей, за что удостоился от Пушкина прозвища «красноречивый сумасброд». Конечно, относилось оно в первую очередь к его общественно-политическим взглядам, но и образ жизни Руссо отчасти этому определению соответствовал.

...

Как всякого не лишённого тщеславия выходца из глубинки, Жан-Жака обуревал комплекс покорителя столицы.

Париж Руссо нашёл не совсем таким, каким он ему представлялся. Люди там мыслили иначе, чем он, не стыдились отрицать Бога, патриотизм был не в чести, зато космополитизм восхвалялся, французы желали быть гражданами мира.

Вскоре Жан-Жак освоился, обзавёлся нужными знакомствами. Появились друзья, среди которых были яркие личности: философ Дидро, журналист Гримм, математик Д'Аламбер. С ними он сотрудничает в написании статей для Французской энциклопедии. У Руссо

их свше ста и все о музыке. В Париже он переживает долгожданные мгновения славы. Его работа победила в конкурсе, объявленном Дижонской академией наук.

В этом удостоенном первой премии трактате Руссо — явный «гений, парадоксов друг», по слову Пушкина. Стоит вспомнить о том, что предшествовало событию. Жарким летним утром Жан-Жак отправился из Парижа в Венсен навестить Дидро, сидевшего в тюрьме за антицерковный «Трактат о слепых». По пути он открыл взятый с собой журнал «Меркюр де Франс», листая который, заметил объявление о конкурсе на тему, звучащую вопросительно-заманчиво — «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?». Едва прочитав текст, он испытал, можно сказать, экзистенциальное потрясение, увидев своё будущее детище в готовом виде, как фильм. Его осталось только записать.

«С первых же лет нашей жизни безрассудное воспитание изощряет наш ум и извращает наше суждение. Я вижу повсюду бесчисленные заведения, где с большими затратами воспитывают молодёжь, чтобы научить её всему, но только не выполнению её обязанностей. Ваши дети не будут знать своего родного языка, зато они научатся говорить на других языках, которые нигде не употребляются. Они научатся слагать стихи, которые они сами едва ли смогут понимать, не умея отличать заблуждение от истины, они овладеют искусством делать их, с помощью благовидных доказательств, не различимыми и для других. Они не будут знать, что означают слова: великодушные, справедливость, воздержание, человечность. Сладостное слово «родина» никогда не дойдёт до их слуха, и если перед ними говорят о Боге, то не столько для того, чтобы они почитали Бога, сколько чтобы они его боялись. Я бы предпочёл, сказал один мудрец, чтобы мой ученик проводил время, играя в мяч, это, по меньшей мере сделало бы его тело подвижным. Я знаю, что детей нужно как-то занимать и что праздность есть для них самая страшная опасность. Чему же они должны научиться? Вот, поистине, удивительный вопрос! Пусть они учатся тому, что они должны будут делать, когда станут мужчинами, а не тому, что они должны позабыть».

Так ли уж устарели мысли Руссо, вырвавшиеся с присущими ему артистизмом и проницательностью? Нисколько.

...

Коснёмся в самых общих чертах композиторской и музыкально-критической деятельности Руссо. Им написаны две оперы: «Галантные музы» (опера-балет, если быть точным) и «Деревенский колдун». Первая удостоилась сдержанной похвалы Рамо, указавшего, однако, на ряд недостатков. Вторая, написанная в духе итальянской оперы-буфф, имела огульный успех. Арии, очень похожие на песни, чередуются в ней с танцевальными номерами. Даже речитативы сохраняют песенность. Так задолго до большевиков, Руссо реализовал идею искусства для народа. «Деревенский колдун» — это некий вызов придворной музыке, олицетворяемой Рамо, Люлли и Купереном.

В период работы секретарём при посольстве Франции в Венеции, Руссо впервые услышал итальянское оперное пение, и оно поразило его до глубины души. Через несколько лет итальянская труппа побывала с гастролями в столице Франции. Ажиотаж по поводу выступления итальянских певцов неожиданно обретает черты общественного противостояния. Общество разделилось на сторонников национальной французской оперы и фанатов итальянской. На чьей стороне выступил Руссо? Разумеется, на стороне тех, кто без ума от итальянского бельканто. Вот как он объясняет свою позицию в «Письме о французской музыке»: «Три обстоятельства, думается мне, способствуют совершенству итальянской музыки. Первое — это мягкость языка, которая облегчает все интонации и предоставляет вкусу музыканта свободу более утончённого выбора, возможность разнообразить сочетания и наделять каждого певца особой манерой пения, отличающей его от других, подобно тому как всякого человека отличают своя жестикаляция и свой тон.

Второе — это смелость модуляций. Они подготавливаются не так педантично, как наши, но звучат более приятно именно благодаря своей свежести, и оттого пение, не становясь резким, отличается выразительностью, живостью и энергией. Эта смелость позволяет музыканту неожиданно менять тональности или лад и пропускать где надо промежуточные учёные переходы, передавать недомолвки, речь прерывистую и не завершённую — язык бурных страстей, который столь

часто отличает пылкого Метастазия, а все эти Порпора, Галуппи, Кокки, Иомелли, Пересы и Террадельясы умеют столь искусно передать, меж тем как нашим лирическим поэтам он так же мало знаком, как и нашим музыкантам.

Третье свойство, наделяющее итальянскую мелодию величайшей выразительностью, — это необычайная точность размера, ощутимая и в самом медленном, и в самом быстром темпе. Она придаёт пению живость и увлекательность, а аккомпанементу — подвижность и ритмичность. Она множит число мелодий, создавая из одного и того же сочетания звуков столько различных мелодических оборотов, сколько здесь есть способов скандирования, она позволяет представить сердцу любые чувства, а разуму любые картины, давая музыканту средство выразить в музыке всевозможные оттенки слов, она позволяет в любом темпе передать любой характер или в одном и том же темпе показать по желанию композитора контрасты и смену характера. Таковы, по-моему, источники, из которых пение итальянцев черпает своё обаяние и силу».

Между тем культурное событие в жизни Франции приобретало политическую окраску. Похвала итальянскому языку за его благозвучие, а музыке за её мелодичность стали считаться чуть ли не национальной изменой. Противники Руссо вышли из тени, непрерывно его атакуя. Наказанием Жан-Жаку был официальный запрет бесплатного посещения французской оперы, только и всего. Итальянская же труппа, повинувшись приказу короля, досрочно покинула Францию.

...

«Жизнь человека — борьба с кознями человека», — говорит Гресиан.

Прославленная «Исповедь» Руссо — это, кроме всего прочего, история борьбы с кознями людскими, а если конкретно — с кознями бывших друзей, оттачивающих приёмы дискредитации философа и человека.

За что ненавидели Руссо? За то, что он выбился в люди прежде всего благодаря своим талантам, а не связям и кошелёчку. Человек неимущий, но всесторонне талантливый — это всегда звучит вызывающе для большинства богатых.

«Как мы позволили какому-то нескладному провинциалу войти в наш круг, общаться с нами почти на равных, как позволили себе интересоваться его мнением о событиях столичной жизни? Чтобы же-

манницы Парижа засыпали и просыпались с его именем на устах? Впредь этому не бывать». И начинаются интриги.

Особенно преуспел в них Мельхиор Гримм — дамский угодник и поэтёр. Без сомнения, он завидовал Руссо. Его, кстати, можно рассматривать как двойника Жан-Жака: та же жажда славы, успеха у женщин, желание быть всегда на виду, поучать, но всё в утрированном, карикатурном виде. В Гримме персонифицирована светская чернь, любимое занятие которой, как в восемнадцатом веке, так и сегодня, — активно мешать гению в осуществлении высокой миссии, усложняя и без того непростой его путь.

...

Французская литература эпохи Просвещения сильна своим остроумием. В трактатах Вольтера оно выражено сухо и одноцветно, у Руссо — броско, пропитано чувством, его родившим. Иногда логика у Жан-Жака ступёвывается, и тогда вырывает красноречие, помноженное на азарт, отчего только растёт сила убедительности

тирад в адрес власть имущих. Считается, (в целом справедливо), что именно Жан-Жаком, природопоклонником, романтиком равенства, высечена искра, из которой вскоре разгорелась пламя великой французской революции.

Робеспьер объявил его своим учителем, Наполеон боготворил. Под огромнейшим влиянием идей Руссо находились Стендаль и Толстой. Карл Маркс не стал бы тем, кем мы знаем его, не изучив «Общественный Договор» и «Рассуждение о неравенстве». Большевики должны были бы ставить памятники Руссо, вывешивать его портреты, печатать его произведения без купюр и большими тиражами. Однако не делали этого. Почему? Думаю, Жан-Жак был для них недостаточно радикален. Для современных же либералов он слишком радикален, чуть ли не провозвестник тоталитаризма. Конечно, Руссо — мыслитель с ярко выраженным левым уклоном, но при всей своей симпатии к демосу он мог бы сказать о нём то, что веком позже скажет немецкий поэт: «Если народ пожмёт мне руку, я её сразу же вымою».

Стихи

Ретро

В царстве глаз сердобольных,
рухляди и тесноты
Длинный танцует с маленькой.
Ставни закрыты, потушены лампочки,
Трофейный фонарик один,
мигая, танцующим светит.
Играй Рио-Рита, пока вино не допито.

С Моцартом будь

Секвенций пробежка!
Ты только не мешкай,
Прижмись к нему мыслепотоком,
Как к Богу — всем роком,
Всем ржаньем порока,
Всем воплем восторга
пред синью простора,
В которой звучит тишина вместо хора.

...

«В Москве, в Петербурге и Казани
открылись музеи трамваев»

(Из газет)

...
Как не хватает мне тебя,
трамвай, мой друг искристый!
В твоём салоне часто пьян
бывал я и расхристан.
Кто вас решился упразднить,
породистых и гордых?
Наверняка устроил прыть
чиновник толстомордый.
Трамваи загнаны в музей, да нет,
скорее, — в гетто.
Спешите народец, поглазеть
на представленье это!
Наш молодняк-булгаковед придёт,
прикола ради,
Поумничать о голове раздавленного дяди.
Прощай, трамвай!
Ты памяти моей печаль в мажоре.
И вижу я: там, где была трава,
Конь красный балуется в море.

...

Я, кажется, проснулся. Боже правый,
Как хорошо увериться, что жив,
Когда могу сказать тихонько «браво»,
Вчерашним строкам мышцы нарастив.

Александр Пауткин.

...

Вдоль дороги — весна.
Вот мосты, вот река, вот деревья,
вот тоска, что идёт по лесам вдоль заброшенных рельсов
до забытых заводов, глядящих провалами окон.
Вот в посадках цветут одинокие дикие вишни,
и над ними берёзы устало качают ветвями.
Фуры мчат по шоссе и везут вместе с грузом частицы
среднерусской тоски, заползающей в дыры и щели.
А над полем кружат, может, птицы, а может быть, души;
чуть подальше — пустое село, обезглавлена церковь,
и на землю текут капли крови кирпичных осколков.
Мне осталось смотреть и писать, как, о чём-то вздыхая,
машут каждой шуршащей машине берёзы в посадках,
и грустят, возвышаясь в полях, полумёртвые церкви,
и лениво текут по равнинам широкие реки,
и весна, и тоска, и мосты, и дома, и деревья.

2019 г.

...

Побелел старый тёмный двор —
кто-то с неба рассыпал соль.
Это значит — тоска и боль.
Это значит — начало ссор.

Снег ногами затёрт до дыр.
Я не знаю, к чему стремлюсь.
Если минус на минус — плюс,
Значит, ссора на ссору — мир.

Город холоден, свеж и чист.
Слёзы луж захрустели льдом.
Я забыла, где был мой дом.
Новый снег будто новый лист,

Новый путь — значит, новый круг.
Осень — в гроб. Впереди зима.
Вот окраины, вот дома,
Я иду — значит, нет разлук.

Где начало и где конец —
Не поймёшь. Сплетены пути.
На снегу — на листе — «прости».
Ты такой же, как я, мертвец.

Вместо слов в голове пунктир.
Я не жду, не кричу, не злюсь.
Если минус на минус — плюс,
Значит, ссора на ссору — мир?..

Ноябрь 2018 г.

Арина Архипова — молодой ищущий поэт. Родилась в 2001 году. Сейчас — студентка первого курса факультета филологии и журналистики ТГУ им. Г. Р. Державина. В 2018 году был издан первый сборник стихотворений «Песни дорог».

«Когда умолкнут злые вьюги...»

Когда умолкнут злые вьюги,
Когда умрёт последний снег,
Взойдёт весна под звон капли,
Вздохнут свободно в парке ели,
И вновь начнётся бег.
Повеет тёплый ветер с юга.

И, пыль стряхнув с себя и шмоток,
Самой себе отдав приказ,
Я выйду из своей берлоги,
Я вспомню старые дороги,
Пройду по ним, как в первый раз,
Под трели громких птичьих глоток.

Чуть встрепенётся серый город,
И улыбнётся просто так,
Кому, с чего бы — неизвестно,
В шкафу ветровкам стало тесно,
На плечи просится рюкзак.
Уходит с улиц зимний холод.

Я буду ждать. Всё как когда-то.
Приди, как раньше, ровно в семь.

А я вздохну, дождём умоюсь,
Я провожу последний поезд
И возвращусь домой ни с чем
Под умирающим закатом.

23 февраля 2018 г.

Сплин

В этой комнате нет часов.
Если верить окну — где-то восемь,
Если верить душе — где-то осень
Воет стаей дворовых псов.

А на улице грустный март
Льдом латает, как пластырем, раны,
Прячет снег в городские карманы,
Словно шулер колоду карт.

По спине пробегает дрожь.
В небе месяц, как высохший ломтик.
Не забыть бы с утра старый зонтик,
Говорят, обещали дождь.

28 марта 2018 г.

Арина Архипова.

«... Отдай себя, души не пожалев»

Русская правда в поэме Василия Дворцова «Правый мир»

В последние десятилетия в русской лирике жанр поэмы отошел в тень и стал почти не виден за потоком малых форм. В свою очередь, короткие сюжеты сегодня в избытке наполнены предметами и явлениями малозначительными или частными, когда подробности личной жизни автора высыплются на доверчивого читателя, как из рога изобилия. В этом смысле поэма — произведение строгое, все пункты которого связаны единым сюжетом, канвой событий или настроением, в котором, так или иначе, содержатся приметы времени, поступки и нравственная оценка происходящего. В советскую эпоху решалась ещё и задача просветительская, когда повествователь вёл своего рода разговор с современником, открывшим книгу. Ярким примером подобной интонации были поэмы Василия Фёдорова.

Вот почему для автора принципиально то, как он будет вести беседу со своим читателем, как он соотносится с лирическим героем сюжета, где в пространстве и времени находится точка, из которой освещается прошлое — семейное, любовное, историческое... Сиюминутное выпадает из традиционного облика русской поэмы, сливается со стихотворной публицистикой и стремительно исчезает со сменой исторической эпохи. Так случилось с многочисленными опусами Евгения Евтушенко.

Эпический строй в поэзии в наши дни востребован читателем, но невероятно труден в осуществлении. Лживое время искажает, кажется, любые ракурсы и низводит высокие слова до дежурных сочетаний. В особенности это касается исторических вех XX века. Художник, рискнувший взять в качестве основы для своего большого произведения страницы нашей недавней истории, должен обладать не только острым зрением, но и чувством меры, которое связывает его речь и не даёт ей растечься словесным морем, показывая необходимую полноту деталей, изображающих картину литературно отчётливо и внятно.

Поэма Василия Дворцова «Правый мир» кажется вещью дерзкой и достаточно редкой для сегодняшней русской лирики. Её сюжет выхватывает из прошлого детство главного героя на рубеже 1930-х годов, военные действия на озере Хасан, начало Великой Отечественной войны, Сталинградскую битву и схватку с Японией, послевоенное время. Перед нами летопись страны — и одной жизни. В таком единении можно найти уроки Твардовского. Тем более что конкретика боевых будней в его интерпретации стала почти эталоном для батальных эпизодов нашей поэзии.

Стоит выделить важные художественные акценты поэмы:

- язык;
- нравственная позиция автора и героя;
- цикличность сюжета, в котором наглядно переключаются зачин с финалом;
- философские отвлечения и попытка взглянуть на земные коллизии сверху, с высоты парящего орла;
- лирические связи, обозначающие паузу в эмоциональном движении читателя по сюжету и позволяющие продолжить повествование с новой исторической точки;

— степень приближения авторской «оптики» к событиям и людям.

Язык поэмы разнообразен. Интонация варьируется от фольклорной — сказовой, с просторечием и диалектными словами, до песенной — с разговорными оборотами и житейской наглядностью. От сдержанной, образительной в описании огневого сражения — до яростно-лаконичной в показе сабельной сечи:

И сразу же из-под пурги в охват,
Махая саблями с визгливым гиком,
Волною пенной вздулся мигом
Румынской кавалерии отряд.

Да, вот оно! — и — «Шашки наголо!»
Да, вот оно! — и — россыпью навстречу
Как в праздник — в долгожданность сечи
Два эскадрона, радостно и зло.
Сошлись. Ударились до звона, до огня,
Так, что и кони в ярости вздурили,
И — наконец-то! Всё, как их учили, —
Привстал в коротких стремених Илья.

Клинок при рубке вовсе не блестит,
Кисть, локоть и плечо в своей свободе —
Послал на выдох, потянул на входе —
Свист, хруст и ... и — всё, убит.
Главней оружия в бою глаза:
Рубя врага, уж смотришь на другого.
Что совершил — не стоит дорогого,
Смотри везде, но только не назад.
Дух война — не озверелый гнев.
Дух война есть щит любви и веры.

За что ты здесь? За то и полной мерой
Отдай себя, души не пожалев.

Сокращая дистанцию между «наблюдателем» и событием, в насыщенный подробностями картину вводятся экспрессия и психологически окрашенное отношение рассказчика к происходящему. Но главной цементирующей силой в поэме, стягивающей её части в единый сюжет, остаётся лирическое начало, подчёркивающее родовую близость автора и его героя. Чувство рода и принадлежности к русскому корню, пожалуй, впервые за последние годы так явно и непротиворечиво по отношению к православному веру присутствует в отечественном лирико-эпическом повествовании.

Добре же, сынку, добре.
Наша руда не иссохнет —
Христос нам поставлен примером,
За ним мы походствуем с верой,
Русскую правду храня.

Сама фактура языка здесь отличается редкой вольностью. Просторечие порой приобретает характер речевой волны, в которую погружается читатель, во многом готовый к тому и старающийся слегка отодвинуть от себя течение лиц и событий. Но сюжет властно притягивает его, и первое ошеломление постепенно исчезает.

Название поэмы отсылает нас к древним славянским понятиям. Навь как тёмный и

мёртвый в своих основаниях мир проглядывает в эпизодах фашистского нашествия:

Тяжёлые снаряды — визг и вой —
Вбивались в насыпь, в избы, в огороды,
И поднимались, разрастались всходы
Цветов из ада, нави ледяной.

Ушедшая из повседневного обихода Правь находит себя в переключке с православием и неявно столетиями присутствует в пространстве русской жизни в значении правильный, достойный, духовно верный, честный, мужественный, искренний в любви, хранящий память о прошлом. Все поступки действующих лиц в поэме оцениваются с названной позиции, потому что только она поддерживает последовательное созидание и безоговорочное продолжение рода.

Такие мы — под игом и в неволе
Сильнее мира чувством правоты.

Лирический герой в начале произведения предстаёт перед читателем мальчиком, задающим отцу наивные вопросы, в которых проглядывает сама суть русского бытия.

Батько, твои ладони —
Черпечь для Океана,
Землю который качает
Под каганцами Стожар.

Батько, твоими плечами
Мир заграждён от невзгоды,
А лысина с белым шрамом —
Адамовая гора.

Ноги твои — ворота,
Шея — платан за гайтаном,
Свистнешь — у турок буря,
Зыкнешь — Кавказ затрусит.

Батько, ведь будет ладно,
Коли я тоже стану
Сильным, как ты, и смелым,
Истинным казаком?

В финале, уже будучи стариком, он сажает маленького внука на верного коня «поближе к холке», они выходят за ворота и неторопливо идут к луку — к простору, который так сопряжён со свободой русского духа. Ребёнок спрашивает деда о его подвигах на войне, о русском героизме, которым только и был спасён мир. Вновь звучат слова, будто волшебное эхо повторяя однажды сказанное: «...коли я тоже стану сильным, как ты, и смелым, истинным казаком? Деда, а, деда... Деда!!!»

Последний возглас похож на страстное вопрошание выросшего мальчика, обращённое к тени из прошлого: стал ли он сегодня таким, каким хотел быть вчера? Перед нами — осколок потаённого разговора старшего поколения с самим собой. И напутствие тем, кто сейчас только осознаёт себя и нащупывает почву, из которой произросла русская история.

Вячеслав Лютый.

Сёстры

Эта улица успокаивала Глеба Глебовича Зиновьева. Немного, ненадолго, но успокаивала.

Шумная, наполненная гудящими автомобилями и спешащими людьми улица имени Третьего Интернационала давила на него, пугала и отталкивала. Поэтому он спешил скорее укрыться на улице Максима Горького, или на Горькой улице, как иногда он её называл.

Когда-то улица имени Третьего Интернационала называлась Большой Дворянской, а улица Горького — Треповской.

Глеб Глебович любил старые, дореволюционные названия улиц родного губернского города. Когда-то, ещё в юности, он надеялся, что эти названия вернутся. Прошла юность, миновала молодость, но всё оставалось по-прежнему.

Он привык к этому и перестал бунтовать. Даже на памятник вождю смотрел теперь с задумчивостью.

Зиновьев был адвокатом, или, как он сам себя иногда именовал, присяжным поверенным. После очередного заседания в суде, испытывая чувство внутреннего освобождения от излишней докучливости своих по-своему несчастных доверителей, он выходил на Горькую улицу, чтобы пешком проделать путь до своей конторы. Вдох вырывался у него из груди, но при этом он чувствовал радость.

Наконец-то!

Сначала он шёл мимо типового серого «брежневского» дома, затем через двор выходил на Треповскую. Здесь было тихо. Глеб Глебович загоразивался этой улицей от суетливого и куда-то спешащего мира, цепляясь за неё, как утопающий — за соломинку памяти.

Одноэтажные дома, длинные заборы,

дворы, везде покой, и даже своего рода уют, нечасто встретится прохожий, да и тот — местный. Такие, как он, чужаки из других городских районов редко забредали сюда. Иногда за забором залает пёс-сторож да испуганно перебежит дорогу кошка.

Глебу Глебовичу, когда он ходил по Горькой улице, казалось, что он куда-то перемещается во времени. Может быть, даже и возвращается к чему-то давнему и забытому.

Недалеко от начала его пути стоял небольшой, немного осевший двухэтажный кирпичный особнячок с сохранившимся кованым балконом.

Зиновьев ждал встречи с этим особнячком, как с милым и родным человеком. Всякий раз, когда попадал на эту улицу, он с почтением и ласково приветствовал его, говоря: «Добрый день, сударь Вы мой!», а потом задавал ему вопрос: «Как жизнь Ваша?»

Домик был ещё жив, он дышал и, как казалось Глебу Глебовичу, отвечал ему: «Живу! Терплю!»

Зиновьев смотрел на балкон, где когда-то пили чай из самовара майскими вечерами кисейные барышни-сестры, нерешительно глядел в окна — не мелькнёт ли там женская головка?

Он думал о том, что хотел бы жить в таком доме, а может быть, даже и не в самом доме, а в небольшом флигеле, стоящем во дворе, среди разросшихся кустов сирени. Увлекаясь, Зиновьев почти явственно видел, что около флигеля стояла скамейка, на которой можно сидеть майскими вечерами, перед сном, а у ног бы приотлился спаниель Шарль, милый друг. Внутри флигеля три небольших, чисто выбеленных комнаты. Там книжные шкапы,

в которых — корешки Лескова, Толстого, Гоголя, Достоевского, Щедрина... На дубовом столе — чугунная чернильница с двумя охотничьими собаками, стопки желтоватой бумаги, наполовину разрезанный том Мережковского, бронзовые канделябры. У стола — кресло в римском стиле для работы, а в другой комнатке — покойное вольтеровское, для отдохновения. На стенах — несколько близких сердцу картин и гравюр. Может быть, и граммофон — он слушал бы Скарлатти...

Весной, в мае, тогда, когда что-то тихо пели берёзы, Глеб Глебович любил остановиться около особнячка, рядом с заколоченной с 1918 года парадной дверью, почувствовать запах молодой, свежей листвы, земли и старого дерева.

Иногда ему казалось, что он слышит звуки фортепиано, печальные гармонии Шопена, потом какие-то бравурные военные марши, смех и звон шпор, топот... приглушенный временем зов...

Волнуясь, он ждал, что на балкончик выбежит навстречу весне и маю какая-то из трёх сестёр, неважно Маша, Ирина или Ольга...

Но... никто не выбегал. Балконная дверь была заложена кирпичами и грубо замазана.

Наваждение проходило, и Глеб Глебович смущённо улыбался самому себе и своим видениям.

Постояв, Зиновьев грустно шёл далее, бормоча себе под нос песенку: «Та-ра-ра-бумбия, сижу на тумбе я...»

Уходя, он всегда оборачивался к особнячку несколько раз, говорил ему: «До свидания, Сударь мой». Казалось, дом отвечал: «Жду-с, Жду-с»

Приближаясь к своей конторе, к шумному перекрестку с его вечной суетой, Глеб Глебович думал о том, что когда-то в этом домике жили прекрасные люди, чудные девушки, они были юными, полными надежд, любви и нежности. У них были женихи. Потом пришло другое время, страшное и непонятное, юность ушла, чай уже не пили на балконе под берёзовым шелестом. Женихи убиты пулями и штыками, а кто уцелел, боялся собственного звания и голоса. Жизнь сестёр, прошедшая в страхе и нужде, труде и изгнании, среди чужих... Где они нашли свой приют? Кто закрыл их глаза и проводил в последний путь?

Временами Глеб Глебович чувствовал себя таким же одиноким, как эти сёстры, среди чужих. Уже никогда он не сможет быть жителем того уютного и тихого флигелька, расположившегося рядом с домом, среди сирени. Но он знал, что по-своему и он счастлив, иногда скрываясь здесь, на этой улице, поминая сестёр Ольгу, Ирину и Марию, как в храме, среди майских берёз, благодаря их за то, что донесли до него в этом доме, как в ларце, его горькую Родину.

Семён Золотухин.
Тамбовь, 2020 год.

Статуя «Смирение» Лоренцо Бартолини (1777-1850).

***

Сентиментальный мрамор Бартолини Люблю за мудрую стыдливость линий.
О! Сколько лет воспитывал я вкус
И чувства, но, преодолев искус,
Теперь люблюсь телом обнажённым,
Резцом к молитве тихой пробуждённым.
О чём ты просишь, дева, небеса?
А может, хочешь вспомнить голоса
Подружек-нимф, застигнутых звучаньем
Весёлой флейты с терпким возлияньем
Хмельного Вакха сумрачным богам?
Не ты ли там рассеянно к ногам
Киприды обронила маргаритки,
А с ними и беспечную улыбку...
Но может быть, среди чужих снегов,
Забуть не можешь милых берегов
Венеции, где лев святого Марка
Хранит под лапами стихов тетрадку?
Но может быть, в музейной тишине
Ты иногда молилась обо мне?

***

Рим не внушает страх, но тайный трепет.
Он голоден всегда, как в Колизее львы,
Не потому ль стоит священный лепет
Как будто на закланье согнанной толпы.
Его богам теперь нужна не жертва,
А тихое пристанище глухих садов,
Где с беломраморной руки Деметры
Зефир сдувает пепел синих лепестков.
Ночные очертания развалин
В неоновой подсветке, но ещё мертвей
Мне кажется покой исповедален
Галантно-равнодушных к времени церквей.
Молитва здесь с восторгом вперемежку,
Но Пантеон — не место для людских скорбей.
В нём Рафаэля бюст. В его усмешке
Причуды Ренессанса и печаль детей.
Но где моя улыбка Возрождения
С беспечной мудростью фракийского вина?
А может, на зиму до пробужденья,
Как Нимфа, в ящик заколочена она?

***

Не спит давно стареющий мой Пан.
Беспечно пьян бездельник козлоногий.
Но нет...
Забросил он в кусты тимпан
Лишь потому, что ряд отверстий строгий
Негромкой флейты радует его,
Как шум листов младого винограда.
Он в первый раз заплакал от того,
Что этой песни никому не надо.

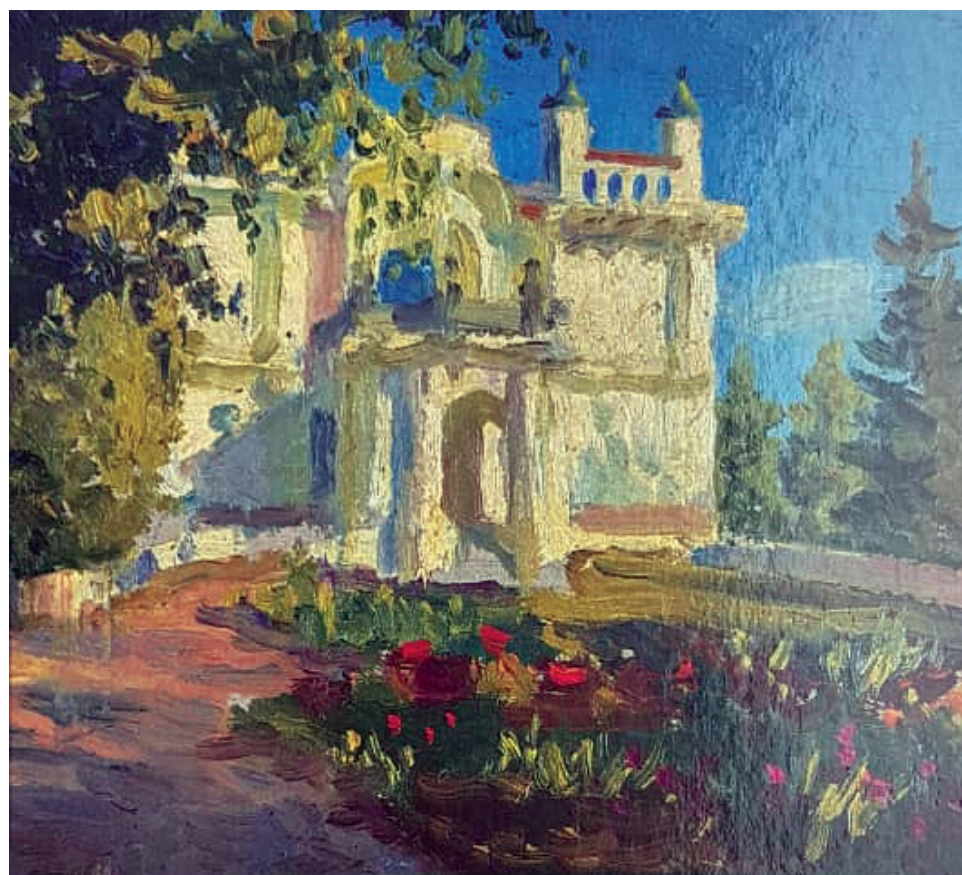
Олег Алёшин.

Уважаемые любители искусства!

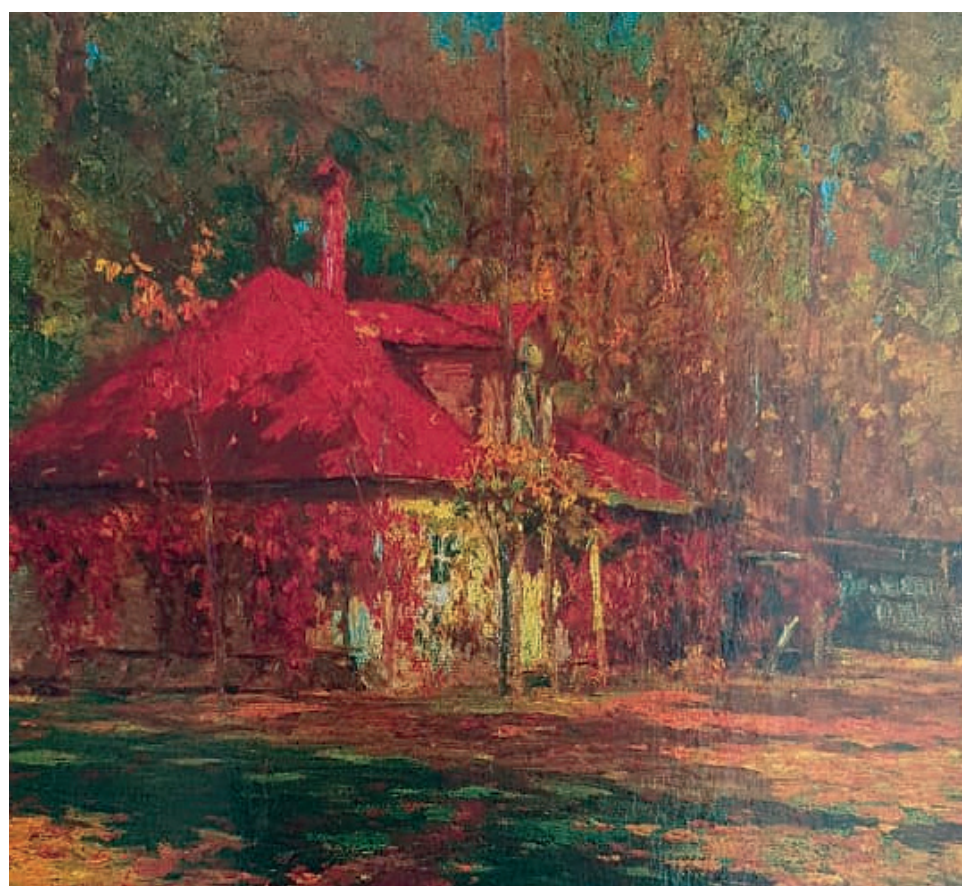
Альбом о тамбовском художнике Николае Михайловиче Шевченко, недавно выпущенный издательством «Хранители времени», — лучший подарок ценителям прекрасного. Книгу можно приобрести в книжных магазинах и музеях Тамбова. Внимание, обложка выполнена в нескольких вариантах.

**Николай Михайлович
ШЕВЧЕНКО**

**Николай Михайлович
ШЕВЧЕНКО**

**Николай Михайлович
ШЕВЧЕНКО**